

Алиса Князева

Немужья жена
ХОЗЯЙКА
лавки "у блюдечек"

(Не)нужные хозяйки

Алиса Князева

**Ненужная жена. Хозяйка
лавки "У блюдечек"**

«Автор»

2026

Князева А.

Ненужная жена. Хозяйка лавки "У блюдечек" / А. Князева —
«Автор», 2026 — ((Не)нужные хозяйки)

Я получила шанс на новую жизнь и точно не собираюсь его упускать! Ну и пусть мужчина, назвавший себя моим мужем, уже подготовил документы на развод. Он красив, богат и очень влиятелен, да только под красивой упаковкой — гордец и эгоист. От таких следует держаться подальше, что я и собираюсь делать. Тем более, что бывший откупается от меня заброшенной посудной лавкой и выставляет за порог, чтобы не мешала им с новой пассией. Вот только покоя мне не будет. Ни я ни бывший муж не знаем, что у меня совершенно случайно оказывается то, без чего ему никак не обойтись. Нет, спасибо, дорогой! Развелись так развелись! Чего ты начинаешь?!#| Цикл (не)нужные хозяйки - книги можно читать отдельно друг от друга###

© Князева А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Визуализации	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	33
Глава 11	36
Глава 12	39
Глава 13	41
Глава 14	44
Глава 15. Эридан Морнел	47
Глава 16	49
Глава 17	52
Глава 18	54
Глава 19	57
Глава 20	60
Глава 21	62
Глава 22	64
Глава 23. Эридан Морнел	68
Глав	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Ненужная жена. Хозяйка лавки "У блюдечек"

Глава 1

Я бегу по ступенькам, придерживая струящиеся пышные юбки нежно-зелёного платья. На ресницах дрожат слёзы. Это всё же случилось...

— Эридан! — вбегаю в нашу спальню. — Ты здесь?!

Тишина. Может, он в кабинете?

Выбегаю из комнаты и несусь по коридору. Я сейчас разорву этого мерзавца и не посмотрю, что он дракон!

— Эридан! — врываюсь в кабинет. — Ничего не хочешь мне рассказать?!

Мой муж стоит у окна, задумчиво рассматривая сад. В кресле перед его столом сидит незнакомый мне лорд в дорогом бело-синем наряде с воротом из белого меха и изучает какие-то документы, но моё появление отрывает его от этого занятия.

— Нет, — отвечает Эридан, не оглядываясь. — Выйди и не мешай, Элизабет.

— Я никуда не уйду! — мой голос срывается и звучит от волнения истерично. — Ты правда это сделал?!

Дракон оборачивается, раздражённо разминая широкие плечи, как будто из них вот-вот вырвутся крылья. Подбородок поднимается, хотя он и без этого может смотреть на меня свысока за счёт роста.

— Закрой рот и выйди из кабинета, — в низком рычащем голосе мужа слышатся металлические нотки. — Ты мешаешь мне работать.

Он точно это сделал! Сердцем чувствую!

Сжав кулаки, я встряхиваю головой. Шпилька, удерживающая волосы, не выдерживает, и медные локоны падают на мои плечи блестящими витками.

— Раз так, я требую развод! — практически выплёвываю я.

Эридан медленно наклоняет голову к плечу.

— Ты хорошо подумала, Элиза?

Вместо ответа я разворачиваюсь на каблуках и выбегаю из кабинета.

Мерзавец! Гад чешуйчатый!

Посмотрим, как долго он без меня протянет! Следующий же магический откат заставит вспомнить, насколько сильно он во мне нуждается!

Чувствую себя жалкой, когда приходится выгребать из кошелька монетки, чтобы заплатить таксисту.

В наше время кто-то ещё пользуется мелочью? Даже в магазине у дома уже два рубля не просят поискать. Потому что всё на картах.

С ужасом понимаю, что у меня не хватает. Я высыпаю на ладонь практически всю мелочь, но даже беглого взгляда достаточно, чтобы понять — тут нет нужной суммы.

Твою мать...

Таксист смиренно терпит, пока я стараюсь потише звякать монетками. Господи, как же стыдно... Я бы прямо сейчас померла на заднем сиденье его машины, если бы это не создало ещё больше неловкости от нашего короткого знакомства. Мне и так не по себе, что ему пришлось вылезать в сырую осень и стоять под мокрым снегом в тонком свитере, и помогать мне забраться в его машину. А ещё терпеть запах лекарств, которыми я пропахла насквозь. Я не раз ловила его взгляд в зеркале заднего вида и злилась, понимая, что он смотрит на тощую тень, прячущую лысую голову под капюшоном толстовки.

Жалее. Проклятье! А теперь я ещё и не могу заплатить ему, чтобы отпустить и исчезнуть из его жизни.

— Простите, пожалуйста, — растягиваю губы в виноватой улыбке. — Мне не хватает вам на чай. Сможете подождать меня десять минут, пока я поднимусь до квартиры?

— Оставьте, девушка. Не нужно денег, — кажется, таксист рад возможности просто избавиться от меня. — Купите себе сладкого к чаю. После больницы самое то.

— Нет, — упрямлюсь я. — Десять минут, пожалуйста. Не заставляйте меня просто так по лестнице бегать.

Парень вздыхает и в этот раз набрасывает на плечи куртку, прежде чем выйти из машины и помочь мне вылезти. Сжимаю зубы так сильно, что не столько слышу, сколько чувствую их противный скрип. Меня бесит, что меня жалеют. Это делает болезнь более реальной.

— Только дождитесь, пожалуйста, — прошу я, когда таксист помогает мне выпрямиться уже у подъезда. — Я быстро.

— Ладно, уговорили, — сдаётся он, доводя меня до лестницы.

А вот и первое испытание. Десять ступенек до двери, только потом основной подъём, по старому фонду, в котором ещё не предусматривался лифт. Самое паршивое, что я могла бы позвонить своему мужу, который сейчас дома и который так и не принёс мне новую зарядку для телефона взамен сломавшейся. Сейчас заберусь и заставлю его бежать платить за моё такси.

— Если что, я в шестьдесят второй квартире, — зачем-то объявляю я. — Дома муж, честно. Я его сейчас отправлю вниз.

— Может, позвонить ему? — поднимает бровь таксист. — Пусть спустится за вами?

Только представляю, как придётся просить у этого милого парня телефон, так сразу просыпаются невесть откуда взявшиеся силы.

— Всё в порядке. Я с этим точно справлюсь, — повторяю девиз своих последних месяцев и, набрав код, вваливаюсь в подъезд.

Темно, как в перспективах моей жизни, одуряюще вкусно пахнет мокрым бетоном. Лучший запах, особенно если твой нюх уже свихнулся от хлорки или чем там намывают наши больницы.

Потихонечку взбираюсь на второй этаж, радуясь, что хоть живу невысоко. Даже эти три пролёта — тот ещё подвиг для моего ослабленного тела. Открываю дверь ключом, вваливаюсь внутрь и падаю на тумбочку, чтобы перевести дух и позвать Диму.

Пока дышу, опускаю взгляд и вижу шикарные красные туфли на высоченной шпильке, стоящие на коврике в центре. Будто грёбанный арт-объект, которым нужно любоваться. Над пяткой атласная ленточка, которую следует завязывать вокруг щиколотки в красивый бант. Я знаю это, потому что очень хотела такие туфли, но так и не купила их, загремев в больницу. Их потом купила Ника, моя лучшая подруга.

Может, они решили устроить мне сюрприз? Как-то выяснили, что я именно сегодня выписываюсь?

Скинув с ног старые кеды, совершенно не сочетающиеся с красными туфлями на коврике, я бреду по коридору, придерживаясь за стену левой, и за полки открытого стеллажа, на котором пылится разная Димкина ерунда, правой ладонью. Из зала слышно хихиканье — точно Ника. Что-то для сюрприза она слишком шумная...

— Дим, тут...

Я замираю в дверном проёме. Муж лежит на расправленном диване, а на его бёдрах сидит моя лучшая подруга, подняв руки и играя с красиво уложенными чёрными волосами. Оба голые, разумеется, и, похоже, слишком увлечённые друг другом, чтобы меня заметить.

О-бал-деть.

Глава 2

И без того слабое тело, кажется, теряет последние силы. Я не удерживаюсь на ногах и падаю на колени, ударившись предплечьем о дверной косяк. Ника взвизгивает и спрыгивает с моего мужа, стыдливо натягивая на грудь белую простыню, которую нам с Димой подарила моя мама на последнюю годовщину. Очаровательно.

— Лиза? — голос Димы звучит непривычно высоко. — Какого хрена ты тут делаешь? Ты должна быть в больнице!

Из меня рвётся много мыслей на этот счёт, но я предпочитаю оставить их при себе. Нужно беречь силы. Смотрю на мужа, а перед глазами его нежная улыбка, когда он вваливается в мою палату с очередным букетом разноцветной гипсофилии. Потом на Нику и выбираю вопрос:

— Почему?

— Ты правда не понимаешь? — хмыкает Ника.

Не знала, что моя любимая подруга, которая уговаривала полететь в Париж, когда я выздоровею, умеет говорить таким едким голосом.

Киваю. Не понимаю. Дима садится и сжимает виски пальцами. Молчит. Хоть бы ляпнул банальную фразу про то, что сейчас всё объяснит и я не так поняла.

— Не разводи драму, Лизка, — закатывает глаза Ника. — Тебе осталось-то всего ничего. А мы молодые, здоровые и хотим жить настоящим, понимаешь?

Это всё какой-то сюрреализм... А как же цветы? Париж?

Господи, может, просто сон? Лежу под капельницей, и ничего этого нет? Я будто на каких-то незнакомцев смотрю, и их образы никак не вяжутся с моими близкими. Это же просто не могут быть они. Так?

— Таксист... — неожиданно вспоминаю я и поднимаюсь. — Я же обещала...

Путь обратно по коридору я проделываю практически на ощупь. В глазах темно, в груди жжёт, но всё остальное тело... такое чувство, что оно больше мне не принадлежит.

— Это сон. Просто сон, — повторяю себе, стараясь не обращать внимания на голоса в комнате.

— Ну и к лучшему, — фыркает Ника. — Просто разведёшься с ней, и дело с концом!

— Ты хоть представляешь, сколько возни будет? Документы, делёжка имущества. Квартира-то ей в наследство осталась.

— Ну и что?! Сколько мы уже ждём, а она всё не помирает! Ты говорил, там недолго осталось!

Ноги всё же подводят, и я, оступившись, падаю. Висок обжигает холодом, в глазах резко темнеет, и я проваливаюсь в пустоту.

Боль пронзает каждую клеточку тела, но после затяжной болезни она становится верной спутницей. Куда больнее — сюжет моего кошмара. Дима и Ника, обсуждающие то, сколько проблем им принесёт необходимость развестись со мной.

В чём-то я их понимаю, мне сейчас хватает хлопот и без всех этих проблем с делением дивана. Хотя после того, что я увидела, пусть забирает грёбанный диван.

Проклятье, как же не вовремя, а?! Точно в разгар сложного лечения, когда мне хочется на ручки и жаловаться на несправедливость жизни, эти двое вонзают мне нож в спину. Я сейчас вообще не в настроении быть сильной...

Квартира мне осталась, ага. То-то я удивилась, когда он начал предлагать продать её и перебраться в другое место. На какое-то время меня это даже вдохновило — захотелось перемен, бегать, выбирать шторы и новые тарелочки.

Я-то думала, он пытается отвлечь меня, дать какую-то цель, чтобы бороться было легче, а он...

Просто хотел прибрать к рукам часть имеющегося у меня... Вернее, последнее, что осталось, после того как исчерпались счета на моё лечение. Теперь только и оставалось — квартиру продать. Больше брать нечего.

Бедные-несчастные, как же пострадать-то им придётся. Я прям расплачусь сейчас! Если это всё же не сон, хочу развестись с ним поскорее!

Перед глазами плавают цветные пятна. Я стараюсь дышать коротко, привыкла, что так боль меньше ощущается. Наконец зрение перестаёт сходить с ума, и я понимаю, что лежу, глядя в потолок. Незнакомый только. Во всяком случае, это точно не моя палата, в ней я уже каждую трещинку запомнила.

Тогда где я? И тот сон... с Димой и Никой. Это же был просто сон, да? Я не выписывалась из больницы, не ехала домой на такси с разряженным телефоном... Господи, я же таксисту не заплатила!

Слева доносится звук приближающихся шагов. Я поворачиваю голову и вижу, как в комнату входит незнакомец в костюме, напоминающем военную одежду в каком-нибудь историческом кино. Тёмные волосы присобраны на затылке, но несколько непослушных прядей всё же вырываются по бокам. Его лицо я бы не задумываясь поместила на обложку любого журнала — сдержанная мужская красота заставляет сердечко сбиться с привычного ритма, и я на миг забываю о том, что замужем.

А вообще, Дима сам виноват. Мне такой жуткий сон про него и Нику приснился! Имею полное право любоваться красивыми мужиками.

— Поднимайся, Элизабет, — губы гостя растягиваются в улыбку, которая почему-то кажется опасной. — Время получать то, что ты хотела.

Я недоумённо свожу брови. А чего я хотела? Его телефончик?

Впрочем, нет. Я бы хотела результаты анализов, в которых будет написано, что я здорова. Это их он принёс?

Красавец подходит к кровати, на которой я лежу, и бросает на мой живот папку. Я с трудом поднимаюсь, чувствуя, как ломит всё тело. Суставы, кажется, вот-вот заскрипят, будто старые дверные петли.

— Что это? — спрашиваю я, борясь с непослушными пальцами.

— Документы о разводе, разумеется, — хмыкает мужчина. — Хотела, чтобы всё было быстро? Я всё устроил. Можешь катиться на все четыре стороны.

Мы?.. Не я и Дима, а... мы вот с этим реконструктором?

Глава 3

— Это шутка такая? — недоумеваю я.

Реальность смешивается и перепутывается в моей голове. Может, это ещё один сон? Вот только...

Если в случае с Димой и Никой я ещё могу, пусть с недовольством, признать, что моё состояние не способствует развитию и укреплению наших отношений, то в то, что я могу быть женой такого красавца — очень вряд ли. Разве что в мечтах. Или во сне. Признавать неприятно, но я предпочитаю трезво смотреть на вещи.

— Разве я когда-нибудь шутил, Элизабет? — зло ухмыляется мой, по всей видимости, бывший муж. — За кого ты меня принимаешь?

За красивый глюк. Который к тому же обращается ко мне необычной вариацией имени. Странно, но мне нравится.

Обалдеть. Меня чем-то накачали? Что происходит?

— Мне кажется... вы меня с кем-то путаете.

Красавец смеётся.

Пока я пытаюсь построить мысли в правильном порядке, мужчина наклоняется и помогает мне раскрыть папку. Лёгкие наполняются приятным очень мужским запахом, в котором я угадываю ноты шафрана, кожи и вроде бы перца.

— И раз уж ты не умеешь держать свой язычок за зубами, я научу тебя за ним следить. По законам королевства развестись мы можем, только если один из нас умрёт, а я ещё не настолько отчаялся, чтобы избавляться от ненужной жены настолько радикальным способом. Так что ты уедешь, получив бумаги, позволяющие тебе делать что вздумается, кроме повторного замужества. Но учти, уйдёшь ты в том же, в чём и пришла в мой дом. То есть практически ни в чём.

Мне стоит обратить внимание на детали сказанного, но злость и обида, не остывшие после увиденного в нашем зале на разложенном диване и подаренном мамой белье, оглушают и мешают думать.

— Ещё чего! — не выдерживаю я. — Извините, конечно, но не слишком ли много вы на себя берёте? Наследство бабушки я не оставляю!

— Ну разумеется, — едко ухмыляется мужчина. — Я так и сказал, уйдёшь с тем же, с чем пришла. Эта развалюха полностью в твоём распоряжении. Вот только когда она рухнет на голову, что ты сделаешь?

Я вопросительно выгибаю бровь.

— Приползёшь ко мне, естественно, — в серых глазах незнакомца танцуют злорадные искорки. — Готовься заранее, ведь простым «прости» ты не отделаешься.

Его красивые губы растягиваются в злой ухмылке. Сейчас он напоминает кота, который прижал глупой мышке хвост лапой и наблюдает за тем, как та бежит на месте и извивается. Какое мерзкое чувство! Обидно.

Мой не до конца проснувшийся мозг отказывается принимать происходящее за истину. Реальности смешиваются, накладываясь друг на друга. И вот уже красавец в старинном костюме, будто актёр, отыгрывает лучшую версию Димы. Самое поганое, такого Диму мне терять жалко, но так нужно.

Сердце себе с мясом вырву, но держать его не стану. Если мой мужчина полез к другой под юбку при живой жене, которой не помешало бы банальное повторение «всё будет хорошо», то зачем мне такой муж? Лучше уж одна останусь, так хоть ни на кого не стану рассчитывать. Меньше разочарования.

— Смотрите не пожалейте о своём решении, — выпаливаю я. — Ну и удачи тебе в новой жизни, да. Совести же хватит, ага? Знаешь, так даже к лучшему. Знаешь, я буду надеяться,

что судьба, карма или ещё что обойдут тебя стороной. Будь счастлив, дорогой. Совет вам да любовь, ага. Надеюсь, здоровье никогда не подведёт, и ты не узнаешь на своей шкуре то, что я чувствую сейчас!

— Пустая манипуляция, Элизабет, — скучающе вздыхает средневековый «Дима» и выпрямляется. — Если думаешь, что у меня нет других способов избавиться от откатов, кроме тебя, то ты сильно ошибаешься. Экипаж приедет меньше чем через час. Сейчас придёт служанка и проследит, чтобы ты не набила сумку лишними вещами, а как закончишь — проваливай. Больше я тебя видеть не желаю.

Раньше, чем я успеваю выплюнуть какую-нибудь колкость, он разворачивается и, не оглядываясь на меня, покидает комнату, а на меня наваливается злость. Хочется наброситься и поколотить обидчика, но я остаюсь на месте, прожигая широкую спину, облачённую в сшитую по шикарной фигуре военную форму.

Ну и катись в пекло! Надеюсь, Ника тебя разочарует, предатель!

Два предателя. Пошли они!

Со злостью отбрасываю одеяло и вскакиваю на ноги. Привычно замираю, дожидаясь, когда потемнеет, а потом снова посветлеет в глазах, но...

Ничего не происходит.

Я смотрю вниз, отмечая круглую стоячую грудь на два размера больше моей и, главное — волосы. Длинные и рыжие, лежащие на плечах блестящими завитками. Что за... как это возможно?!

Нахожу зеркало, попутно отмечая, что не только Дима выглядел как актёр исторического фильма, комната тоже годится для съёмок. Старинная мебель, многослойные плотные шторы, ни одной розетки.

Из отражения на меня тоже смотрит незнакомка, рядом с которой бледная тень, в которую я превратилась, пока боролась за свою жизнь, и рядом не стоит.

Как странно.

Щиплю себя за руку и вздрагиваю. Ай! Больненько. А главное — я не просыпаюсь.

Так... Ну и как это понимать?!

— Что, не можешь поверить в то, что всё не сон? — слышу незнакомый женский голос. — Увы, дорогуша. Суровая реальность не щадит никого.

Я несколько заторможенно поворачиваю голову и вижу шикарную брюнетку в тёмном платье, стоящую в дверях. Следуя странной логике моего безумного и пугающе затянувшегося сна... это Ника? Немного похожа даже. По типуажу.

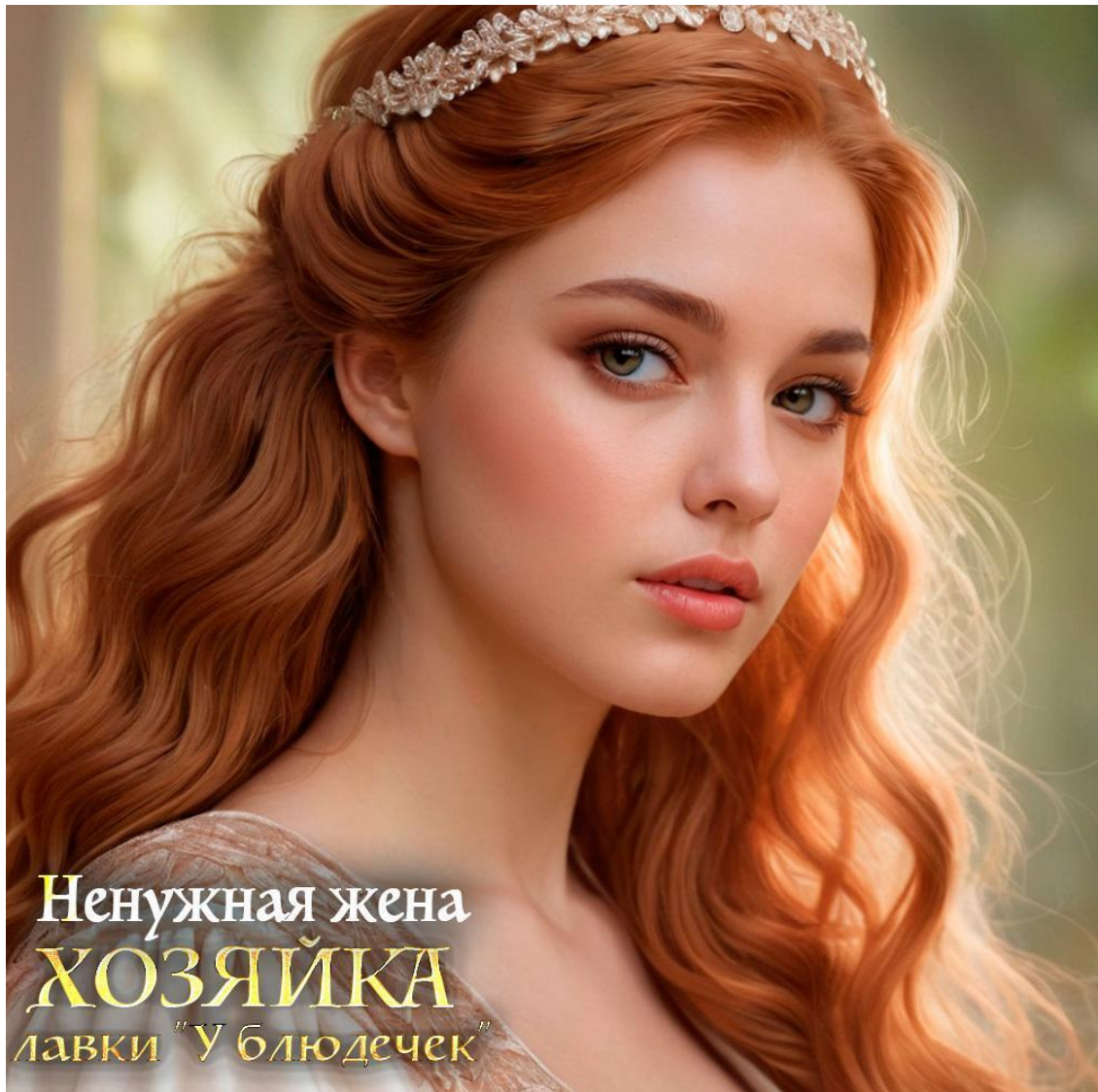
— Чего?

— Я же говорила тебе, бестолочь, — усмехается брюнетка. — Эридан будет моим. Ты ему не нужна. Так что проваливай из нашего дома.

Визуализации

Рада приветствовать вас в новой истории по миру Штормлара!
Давайте знакомиться с главными героями:

Лиза, она же Элизабет — наша невезучая попаданка, которой придётся отвоевать свою вторую жизнь, ведь она обещает быть не легче первой.

Эридан Морнел — вредный дракон, которому придётся учиться хорошо себя вести

Никоэлла— так себе подруга во всех мирах

Ненужная жена
ХОЗЯЙКА
лавки "У блюдечек"

Глава 4

Я ещё не успела пережить первую порцию отрицание-гнев-и-что-там-дальше, а мне подвзят новые потрясения?

Наверно, стоит порадоваться, что я проснулась в теле юной девушки, а не старушки. Сердечко бы точно не выдержало. Что там, я даже не уверена, что моё настоящее выдержало бы.

Так... Давайте по порядку. Я теперь не я, а вроде-как-муж со мной «развёлся». У него есть новая подружка, с которой он теперь собирается жить, и, если окажется, что в этом мире она ещё и была моей подружкой, я буду хохотать в голос.

— Ладно, — пожимаю плечами. — Думаешь, мне больше всех надо?

«Ника», кажется, ждала от меня какой-то иной реакции. Она, конечно, похожа на мою, но всё же... другая. То, что волосы темнее и фигура хорошая, не значит, что мне стоит бросаться на неё с кулаками. Хотя, признаю, с таким актёром на роль Димы это хоть смысл имеет.

Ну и бред!

Может, я головой ударилась так сильно, что слегка с ума сошла? И так моя психика защищается от потрясений? Заменяет Диму на другого человека, чтобы было легче отпустить его?

Ладно, плевать. В любом случае сошлись два важных условия: я не хочу здесь находиться, и мне тут не рады. Муженёк заикнулся о том, что что-то мне оставляет? Вот и ладненько. Уже не на улице оставаться.

— С первого дня было ясно, что от тебя толку не будет! — немного неуверенно продолжает новая хозяйка. — Ты же никто! И звать никак!

Кажется, пытается уколоть побольнее. Нет, всё же хорошо, что для меня она — незнакомка. Выпали что-то подобное моя Ника, я бы ей совершенно заслуженно повывёргивала наращённые дорогушие волосёнки. А этой нет, не хочется. Она мне почти чужая. Как и... Эридан, да?

— А ты сама-то кто?

Вопрос обескураживает любовницу. Я явно ломаю что-то в её планах на разговор. Практически слышу, как с хрустом проворачиваются мысли в её голове. Я её, конечно, не знаю как человека, но, учитывая ситуацию, чести ей этот поступок точно не делает. Я ещё из дома не вышла, а она уже моего мужика к рукам прибрала. Хотя Ника оказалась куда большей дрянью. Рассказывала про Париж, а сама ждала, когда же я сдохну.

— Ты за дуру меня держишь? — огрызается красотка.

— Нет. Мне правда интересно, — пожимаю плечами.

— Никозлла Далора арн-Модар! — вздёргивает точёный носик.

Вот чёрт... Она и тут до Ники сокращается... Ладно, пёс с ней.

— Хорошо. А я кто?

Задаю вопрос, невинно хлопая ресницами. Я уже понимаю, что для неё это звучит как издевательство, но на самом деле мне и правда интересно.

— Надеюсь, та развалина, что Эридан швырнул тебе как тухлые объедки, рухнет на твою башку, Элизабет! — в сердцах выкрикивает она и вылетает из комнаты, сердито стуча каблучками.

Истеричка какая-то. Похоже, она и правда дура. Разговора не состоялось, раз я действовала не по сценарию. Ну и ладно.

Я снова поворачиваюсь к зеркалу, вглядываясь в отражение. Надо к нему привыкать. Очень радует, конечно, что сейчас я не похожа на воскрешённый некромантом труп, но и без этого видок у меня слегка... всклокоченный. Если принять правила игры и держать в голове, что у Элизабет, которой меня все называют, сложный этап расставания с мужем, то можно

сделать вывод, что она много плакала последние дни. Интересно, почему она — теперь я? И что с настоящей Элизабет? Где она? У нас теперь что-то вроде раздвоения личности будет или что?

Пока я размышляю, в комнате появляется пара служанок. Вид у них странный, косятся так, будто я что-то натворила, а мне за это ничего не было.

— Госпожа желает освежиться перед дорогой? — интересуется одна из них, вторая хмыкает.

— Желает, — отзываюсь я. — И вы поможете мне.

Служанки переглядываются. Такое чувство, что они тоже рассчитывали на другой ответ. Как мило. Я сегодня всем ломаю планы.

И всё же они провожают меня в смежную комнату, которая оказывается ванной, равной по площади половине моей квартиры. Я стараюсь вести себя естественно, делая вид, будто понимаю, что происходит, и меня ничто не смущает. Сегодня это моя работа.

Я дожидаясь, когда они наполнят водой таз-раковину с помощью какого-то странного устройства, напоминающего колонку, и подготовят разные баночки и флакончики, а потом выгоняю их за дверь. Не хочу, чтобы меня трогали посторонние.

За спиной красуется большая медная ванна, и на миг я думаю о том, как здорово было бы полежать в ней, но вовремя одумываюсь. Сейчас на это, к сожалению, совсем нет времени. Эридан угрожал, что за мной скоро заедут, а значит, есть время только умыться и попробовать придать лицу немного свежести.

Зачерпываю ладонями воду. С каждой новой минутой я чувствую себя всё лучше. Если при Эридане моё тело ощущалось таким же слабым, как и в реальном мире, то теперь я готова на руках ходить. Ни боли, ни постоянного холода и усталости. Я снова жива! И это точно на все двести процентов!

Развод? Пф! Да и пошёл этот Эридан!

Не знаю, что за развалюха мне полагается, но разбираться будем на месте. После реальных жизненных проблем я понимаю, что пока ноги-руки целы, справиться можно со всем. Жизнь вообще становится невероятно простой, если ты не прикована к больнице, где тебя накачивают лекарствами.

Понюхав выставленные тубики, я не понимаю, для чего они нужны. Вероятно, это какие-то крема, тоники, эссенции, но я придерживаюсь принципа, что если ничего не знаешь, лучше и не трогать и уж тем более на себя не мазать. Так что быстро освежаю лицо, собираю волосы у висков и оглядываюсь.

Блин, а полотенце в этом замке есть?

Ни одного крючка на стенах. В поисках текстиля я отхожу от раковины и, повинувшись логике, заглядываю в шкаф. Где-то же они должны быть!

Но внутри меня ждёт ещё больше непонятных баночек, камешков и корзинок. Я вытягиваю одну из них, случайно цепляю уголком стоящую на полке чашку, и она, конечно же, летит на каменный пол, где со звоном разбивается.

Вот... чёрт!

— Госпожа? — зовут из-за двери. — У вас всё хорошо?

— Да! — нагло вру я, падая на колени.

Проклятье. Проклятье! Ну зачем я сама полезла к этому шкафу?! У меня же слуги есть! Надо было у них полотенце просить!

Собираю осколки в руку. Мне кажется, я смогу их склеить. Разбилась чашка на крупные куски, возможно, муж даже не заметит... Надеюсь, это не какая-нибудь суперредкая керамика династии изменщиков.

— У нас не так много времени, чтобы собрать вас, — снова скребутся в дверь. — Позвольте мы поможем.

Ага, щас!

— Нет, не нужно! — ору я, собирая осколки активнее.

Чёрт, один под шкаф улетел. Надо его достать!

— Госпожа, нам ещё платье шнуровать!

Какой кошмар!

Раскорячившись на полу почти по-пластунски, я наполовину забираюсь под шкаф, где хватаю двумя пальцами последний — вроде бы! — осколок. Вылезаю вместе с ним и кладу на горку, уже скопившуюся в левой руке.

Так, а дальше-то что?

Не успеваю я набросать в голове хоть какой-то план, как осколки чашки начинают светиться. Я удивлённо распахиваю глаза, когда они осыпаются белой дымкой и... впитываются в мою ладонь. Это что за магия?

Трясу рукой, но... ничего. Ни осколков, ни чашки, ни дыма.

Какого... Это что сейчас было?

Глава 5

— Госпожа, что вы делаете?! Вам нельзя прикасаться к этим предметам!

Я поворачиваюсь к ним, благо что рот не открыв. Разбившаяся чашка, которая «всосалась» мне в ладонь, кажется тревожным знаком. Я бы, конечно, понадеялась, что она просто испарилась, разбившись, но с моим везением это наверняка не так. И теперь попробуй ещё угадай, чем мне это аукнется.

Вдруг она токсичная? У меня рука отвалится? Или что похуже?

— Магические артефакты вам трогать нельзя! — возмущается служанка, совершенно непочтительно схватив меня за руку. — Лорд Морнел отдал чёткие распоряжения, что именно на вас нужно надеть и что дать с собой. Даже не надейтесь прихватить что-то ценное!

Ну знаете!

— А ты не много ли на себя берёшь? — огрызаюсь я, вырывая руку. — Может, у нас и разногласия с лордом Морнелом, но тебе за не соответствующий тон я всё ещё могу язык подрезать.

Служанка меняется в лице. Чёрт, похоже, сработало! А я ведь просто блефовала. Ну и как выполнять угрозу, если ты до сих пор не понимаешь, что происходит и как тут очутилась?

Ладно, вру. Как — я уже примерно представляю, удар виском о тумбочку. Можно, конечно, понадеяться на то, что мне вызвали скорую, вогнали в вену лекарства, и в коктейле с другими лекарствами, которые в меня накачивают, дали такой яркий и подробный глюк, но пока его сюжет развивается, я не могу позволить обращаться со мной как с г... в общем, плохо. Мне Ники и Димы хватило.

— Прошу прощения, госпожа, я... Ой...

— Мне плевать, что ты! — перебиваю я, решив отыгрывать стерву до конца. — Где полотенце? Чем мне прикажешь вытирать лицо? Ждать, когда само высохнет? Я, вообще-то, тороплюсь!

Придав себе максимально недовольный вид, я отхожу от шкафа и возвращаюсь к раковине. Вторая служанке прибегает с полотенцем, пока первая приводит шкаф в порядок. В отражении зеркала я вижу, как она осматривает полки, но, похоже, не замечает, что одного из артефактов не хватает.

Фух...

Может, это и не волшебная штука была? Просто чашка? А какое-нибудь волшебство самоуничтожило её?

Хотелось бы верить, да верится с трудом.

Возвращаюсь в комнату, где меня ждёт расстеленное на кровати платье. Выглядит простенько, но так даже лучше. Если б мне притащили красоту вроде той, в которой здешняя Ника бегает, я бы с ума сошла в месте, где мне обещали свалившуюся на голову крышу. А так «практически ни в чём» — это даже не дырявый мешок из-под картошки.

Преувеличиваете, лорд Морнел. Возможно, и место, в которое мне предстоит отправиться, тоже не так ужасно, как вы рекламируете?

Служанки помогают мне одеться, а я старательно запоминаю, как и что они делают. Всё же я, по понятным причинам, долгое время не ношу ничего затейливее свитшота и треников. Пригодится.

С волосами мне тоже помогают, сплетая по бокам косички, а после формируя что-то вроде пучка на затылке. Не успеваем мы закончить, как вбегает третья сказать, что экипаж уже прибыл.

Да им прямо не терпится меня выставить!

Забираю документы, которые в меня швырнул лорд — изучу их в дороге. Затем закидываю на плечо врученную сумку с, видимо, пожитками и гордо отправляюсь навстречу новому миру.

Дом у Эридана роскошный, тут моё почтение. На полу мрамор, расчерченный коврами дорожками, стены в картинах, преимущественно пейзажах. Вся встречающаяся на пути мебель выглядит дорого и изящно. Стоят вазочки, где с шикарными букетами, где просто красуясь рядом с какими-нибудь фигурками или светящимися кристаллами, которые выполняют роль свечей. Удобненько...

Это тоже магия? От чего работает? Явно не батарейки и не электричество. Вот такую штуку я бы прихватила, если уж быть откровенной. Куда полезнее чашки, которая превращается в дымку и втягивается в руку.

Потолки тоже красивущие. Расписные, изображают то небеса, то райских птиц в ветвях причудливых деревьев. Под ними не слишком мелкая, но изящная лепнина. Высокие, узкие окна с тонкими полосками витражного стекла в центральной части.

Что ж, я могу понять восторг Ники, когда появилась возможность выселить меня и обосноваться здесь самой. Впрочем, жалеть о своём отъезде я точно не буду. Тут, конечно, шикарно как в музее, да только никакие удобства не заставят меня жить в доме, где меня терпеть не могут, а здесь это буквально в воздухе витает. То ли влияние хозяина, то ли я по сюжету, которого не знаю, что-то натворила. Ну, до чашки, разумеется.

Выходим на улицу, где нас поджидает самая настоящая карета. С кучером и парой лошадей, которых мне как городскому жителю, который даже в деревне-то ни разу не был, сразу хочется погладить. Решаю оставить это до прибытия, сейчас за мной ещё служанки наблюдают, а раз уж я решила играть перед ними стерву, гнуть свою линию нужно до конца.

Кучер оказывается добрее местных слуг, как-то сочувствующе улыбается мне, подавая руку и помогая забраться внутрь экипажа. Так галантно, что я мгновенно таю, чувствуя себя действительно знатной особой.

Вот и хорошо, что уезжаю. Только за порог, а ко мне уже по-человечески относятся. Приятно.

Кучер занимает свою скамейку, и экипаж плавно трогается с места. Я отодвигаю шторку, чтобы взглянуть на дом в последний раз. Красивый всё же... Жаль, люди внутри злые и неприступные. Узкие окна ловят блики солнца, под стенами разбиты палисадники, засаженные высокими кустами с цветами. То ли розы, то ли ещё что, я в них не слишком сильна.

Экипаж разворачивается, и я мажу взглядом по большому окну на втором этаже. Мне показалось, или там кто-то стоял, провожая меня взглядом? Есть, конечно, догадка относительно того, кто бы это мог быть. Проверяет, точно ли я уехала, ага.

Что ж... посмотрим, что он мне отписал. Я, конечно, совсем ничего не понимаю в бракоразводных процессах, но, когда ты оказалась не пойми где, не в своём теле, в твою руку втянулся потенциальный магический артефакт и ты вообще не понимаешь, что происходит, нет смысла переживать. Разбираться придётся в любом случае.

Раскрываю папку, устраиваюсь поудобнее и начинаю читать строчки, написанные от руки ровным каллиграфическим почерком без единой поправки.

Лорд Эридан Морнел... Лариан Штормлара... э-э-э... ладно. И Элизабет Морнел... Так, это, видимо, я. Угу...

Бегаю глазами по строчкам, стараясь не терять концентрации в этом образце бюрократической скукоты, и вдруг замираю. Перечитываю абзац. Потом ещё раз.

Вот же ж!

— Ах ты гад! — вырывается у меня.

Вскочив со скамейки, я отбрасываю занавеску, чтобы снова выглянуть в окно, но поместя Эридана за ним уже нет.

Глава 6

Я перечитываю документы дважды. Какого чёрта я не сделала этого в моменте, когда ещё могла выпарапать ему глаза?

Вот как сердцем чувствовала, что не стоило мне этим мерзавцем очаровываться.

Документ гласит, что мой благоверный РАЗРЕШАЕТ мне проживать отдельно от него. Из бумаги же становится ясно, что настоящего развода мне не светит, пока его лордейшество Эридан не встретит свою истинную, на руке которой зажжётся метка, обнуляя все предыдущие договорённости. В то же время мне ЗАПРЕЩАЮТСЯ любые тесные связи с другими мужчинами, а в случае неповиновения последует наказание на усмотрение мужа. Ему за неверность, разумеется, наказаний не полагается.

Кроме этого, отмечается, что никакой суммы на содержание я так же недостойна. Эридан отписывает мне некую недвижимость, которая была единственной весомой частью моего приданого. Есть целый доклад описи имеющегося там имущества и состояния здания на момент передачи во владения Морнелов, а ещё почти такой же лист, но бумага выглядит свежее. Видимо, относительно недавно была повторная проверка.

Я бегло осматриваю список, понимаю, что за время своего владения Эридан в это помещение даже не заходил. Ничего нового не появилось, статус некоторых старых упоминаний перешёл из нормального состояния в «удовлетворительное».

Если сравнивать даты в документах, то Элизабет, вернее я, замужем за этим козлом чуть больше пяти лет. Дольше, чем мы с Димой, толькоя большую часть этого времени провела в больнице.

Есть ещё несколько пунктов сомнительного содержания. Типа все важные юридические и правовые вопросы и решения мне нужно согласовывать с ним. Это что получается? Если я захочу, к примеру, переехать, мне сперва к этому козлу на поклон сходить придётся?

Захлопываю папку и, откинувшись на спинку, закрываю глаза. Думать про Эридана не хочется, он меня бесит, так что мысли утекают к Диме и Нике.

Вот как они могли, а? Я, конечно, по-человечески могу его понять. Женился, рассчитывая на нежность, поддержку, понимание и жаркие ночи, а получил сломанную куклу, которая загремела в больницу раньше, чем кончился медовый месяц.

Его мать меня до сих пор не простила. Мол, я выскочила замуж, зная о том, что через месяц моё здоровье помашет ручкой, и специально накинула поводок на его шею.

Фыркаю и отворачиваюсь к окну. Дима родом из маленького городка. Он жил у друзей на диванах до знакомства со мной. Я обеспечила ему крышу над головой, возможность найти нормальную работу, а он приглядывал за болеющей мной и, похоже, дожидался, когда я наконец помру.

В этом плане Эридан кажется меньшим злом. Он хотя бы в глаза сказал: уходи, мы с тобой теперь не пара. Раздражённо смотрю на бумаги. Ещё и мужика заводить нельзя. Да сдались вы мне! Пусть истинная окажется редкостной стервой и выпьет твою кровь через соломинку. Ну чисто, чтобы спесь сбить.

За окнами проплывает милый городок, одетый в позднюю осень. Я не разбираюсь в архитектуре, но тихие улочки напоминают старые европейские города из фильмов. Как и в нормальном мире, мы едем посередине дороги, а прохожие слоняются по тротуарам, болтая друг с другом и разглядывая витрины и прилавки расположенных на первых этажах магазинчиков.

Не знаю, насколько я тут застряла, но выглядит не так уж плохо. Впрочем, мне сейчас всё, что не похоже на больничную палату, кажется роскошеством.

Ладно, выживем. В крайнем случае из ума.

Едем мы достаточно долго. Я успеваю полностью успокоиться и затолкать дурацкие документы поглубже в сумку. Сейчас я не хочу с ними разбираться. Да и что я решу, сидя в карете? Слишком мало вводных данных. И полное отсутствие юридических познаний местного дурдома.

Очень хочется на ручки, но, боюсь, в моей ситуации можно только саму себя взять.

Наконец экипаж останавливается. Кучер слезает с облучка и открывает дверцу. Я выбираюсь наружу и придирчиво оглядываю свои новые владения.

М-да.

Теперь понятно, почему Эридан так легко отписал мне эту «недвижимость». Судя по всему, мы находимся где-то на отшибе. Дома вокруг выглядят полуразрушенными, некоторые, скорее всего, необитаемы. Тот, что «мой», точно.

— Нам же сюда? — уточняю я, кивая на двухэтажную махину с чёрными провалами разбитых окон, глядящую на пустующую улицу.

— Ну да, — кучер вешает на плечо мою сумку. — Не узнаете?

Ага, то есть Элизабет это место должна знать? Ладно, подыграю.

— Просто не ожидала, что за время владения им Эриданом, всё станет настолько плохо.

Когда я выбегала из дома, то не чувствовала осени, а теперь она вгрызается в мои плечи. Нужно скорее идти внутрь, но я как чувствую, что внутри будет ещё холоднее.

Дом почему-то напоминает кости некогда живого существа, которые медленно пожирают сорняки и время. Сколько лет сюда никто не заходил? От тротуара к дому тянется дорожка, разбитая сорняками. Когда-то тут наверняка были красивые палисадники, но теперь это просто... мрак.

Но ничего. В любом случае это всё моё. Уже больше, чем оказаться на улице совсем без укрытия.

— Надеюсь, сюда никто не забрался, — нервно улыбаюсь я, протапывая в пожелтевших сорняках дорожку.

— Магия всё ещё действует. Она бы непустила сюда посторонних, — любезно поясняет кучер.

Обалдеть! Ещё и магия? Так... мне нужно присесть.

Ступеньки грустно скрипят под моими туфлями. Медленно выдохнув, я нажимаю на ручку и заглядываю внутрь. Ничего не видно, из глубины дома тянет сыростью и холодом. Надеюсь, там и правда не обжились какие-нибудь бездомные.

— Хотите осмотреть или поедем назад? — улыбается кучер.

Я недоумённо поднимаю бровь.

— Зачем?

— Ну... — он явно теряется. — Вы же видите, здесь невозможно жить. Можете, конечно, пройтись и убедиться, что это и правда так, но лучше не тратить время и просто вернуться сейчас.

— Лорд Морнел меня не пустит на порог, — вторая бровь поднимается к первой.

— Если принесёте извинения...

Из моей груди вырывается смешок.

Так вот, что всё это означает?

Мой муженёк ввалился в спальню, порычал на меня, «выгнал» в одном-единственном платье и устроил экскурсию по трущобам, чтобы я выпустила пар и приползла к нему в слезах и на коленях. Договор подсунил, чтоб я начиталась и выла от желания расцеловать его ботинки, лишь бы пустил на коврик в прихожей?

Да вы, простите, конечно, охренели, лорд Морнел!

— Будьте так добры, — натягиваю на лицо милую улыбку, — передайте Эридану, что я счастлива, раз мы наконец прояснили наши с ним отношения. Я желаю ему поскорее

найти свою истинную, чтобы я тоже могла начать устраивать собственную жизнь с кем-нибудь получше.

Кучер округляет глаза, явно рассчитывая на другой разговор. Пока он пребывает в шоке, я забираю сумку, смело шагаю внутрь дома и закрываю дверь перед носом мужчины.

Даже если я делаю самую большую ошибку в своей жизни, я всё равно довольна.

Так... А что теперь?

Глава 7

Злорадное чувство быстро остывает, когда я обвожу взглядом доставшийся мне дом. Когда-то он, должно быть, был очень красивым, с резными колоннами, поддерживающими потолок, окнами с каменными подоконниками. Сохранилась и кое-какая мебель, сейчас накрытая едва живыми простынями. Будто привидения.

Зуб даю, попытаюсь снять — простыня осыплется пеплом...

Да, почти наверняка. Значит, трогать буду, только когда метлу найду.

Поправляю лямку сумки и немного неуверенно прохожу вглубь дома. У меня возникает ощущение, что когда-то, примерно в девятьсот лохматых, это могло быть магазином... Прямо напротив входа огромный камин. Я уже предвкушаю, как долго и нудно я буду намывать множество украшений, обрамляющих его края и выступы, но выглядит он роскошно. Должно быть, в прошлом, когда тут ещё были люди и были целые окна, с улицы блики огня красиво оживляли дом, приглашая войти внутрь...

Нет, я всё же должна снять хотя бы одну из тряпок.

Поднимается облако белой пыли, открывая стеклянный короб с ажурными металлическими гранями. Витрина?

Я оглядываюсь. Должно быть, раньше здесь, на первом этаже, был магазинчик, а жили владельцы над всем этим. Что ж, для меня это отличные новости. Были бы, будь на улице хоть какой-то поток потенциальных посетителей.

Поднимаю пыльную тряпку и тру ей стекло, пытаюсь понять, что внутри. Ткань, конечно, больше размазывает, чем чистит, но...

Как обычно водится, драпировка красивого жемчужного атласа, под ним, очевидно, спрятаны подставочки разной высоты, создавая причудливый рельеф, для наглядной демонстрации — да ладно! — посуды!

Я в посудной лавке. Обалдеть.

Уронив сумку, я забываю обо всём и бросаюсь срывать остальные ткани. Вот и находится неожиданный плюс выбитым окнам. Я бы здесь задохнулась, когда как дурная срывала с витрин защитные чехлы.

Две витрины, к сожалению, разбиты. Товара на полках очень мало, некоторые изделия пострадали. Я сдёргиваю последние тряпки, прячущие шкафы, и отступаю ко входу.

Это невероятно. Я... просто не могу поверить. У меня посудная лавка. Зуб даю, ручная работа. Если я где-то тут найду ещё гончарный круг, то клянусь забыть и о Диме, и о Нике, и об их местных аналогах. Пусть катятся куда подальше.

Гончарное дело — моя любовь. Тёплые воспоминания о дедушкиной мастерской в деревне, где он лепил горшки и вазы, а потом возил продавать в магазинчик к своему брату. До того, как мама с папой развелись, я к ним каждое лето ездила, а потом как-то... Хорошо, если по праздникам созванивались, а так...

Тем не менее увлечение я не забросила и до знакомства с Димой ходила на уроки, пытаюсь найти какую-нибудь студию, чтобы лепить на постоянной основе. Подумывала уже дома всё организовать, но печь для обжига в моей наследной квартирке вызывала много вопросов с точки зрения безопасности, а я всё не решалась перевести своё маленькое хобби в настолько серьёзное занятие.

Жизнь, это какой-то знак, да?

Уже с большим воодушевлением я пересекаю комнату и нахожу лестницу, ведущую на второй этаж. Поднявшись по ней, оказываюсь в кухне-гостиной, так же затянутой тканью и паутиной. Вижу четыре двери.

За первой — спальня. К сожалению, её я использовать не смогу, в комнате выбито окно, но тут аж три кровати. Та, что у дальней стены, должна быть пригодна для сна. Есть камин, который, похоже, выходит в одну трубу с тем, что на первом этаже.

За второй дверью находится ванная. Почти не отличается от удобств нашего мира, только вместо ванны круглая бочка, но, думаю, это не страшно. За третьей дверью — заваленная каким-то хламом кладовка, а последняя комната оказывается кабинетом. Ему повезло больше всех.

Первое счастье — целое окно. В комнате всё та же разруха и грязь, что и в остальном доме, но здесь настолько сухо, что даже книги на пыльных полках выглядят вполне прилично.

В центре стоит большой деревянный стол, усыпанный документами. Записи старые, многие уже не читаются. У окна небольшой диванчик, который я сразу окрещиваю своим спальным местом на сегодня, кроме того, здесь есть камин. Значит, если сумею развести тут огонь, то первое время точно продержусь. А там уже буду понемногу обживаться. Снимаю с дивана защитную тряпку, сажусь и удовлетворённо киваю. Сойдёт. Спина мне, конечно, спасибо не скажет, но пару дней я переживу.

Зато своё и не в кредит, ага?

Решаю, что первым делом здесь нужно провести уборку, а потом попробую развести огонь. Если найду способ. Спичек и зажигалки-то у меня нет. С едой дела у меня тоже так себе... Может, по соседям пройтись? У меня внизу осталась кое-какая посуда, вдруг получится обменять на еду и разные мелочи?

Оставив вещи на диване, я закатываю рукава платья и иду к ванной. Надеюсь, именно там я найду ведро. Поковырявшись по шкафчикам, обнаруживаю таз и решаю, что это тоже хорошо. Начну с пыли и полок вокруг диванчика. Если ведро не найдётся, тазом, в принципе, тоже можно воспользоваться, чтобы пол протереть.

Тряпок у меня в избытке, так что я смело тащу посудину к раковине, ставлю под кран. Вспоминая, как наполняли раковину для умывания служанки в доме Эридана, тоже качаю ручку «колонки». Воды нет.

Чёрт!

Я отступаю на шаг и сжимаю виски пальцами. Так. Ну, никто же не говорил, что меня в заброшенном доме будут ждать тапочки и чашечка чая на подносе у помощника, надевшего фартучек поверх голого торсика. Просто для эстетического удовольствия.

Что ж... Нужно что-то предпринять. Не знаю, как тут всё устроено, но, когда я куда-то уезжаю из дома надолго, я перекрываю воду. Может, и тут что-то такое есть?

Заглядываю под раковину и понимаю, что трубы идут куда-то в стену и, кажется, вниз. Это, конечно, ещё ничего не значит, но я попробую поискать подвал или что-то вроде того.

Интересный у меня дом. Похоже, в его основе большой дымоход, в который выдыхают все каминные, и кухня на втором этаже. В целом, кажется, вполне удобно... Если бы ещё получилось огонь развести. Сразу бы весь дом прогрелся.

Спускаюсь обратно на первый этаж и замечаю, что снаружи собирается дождь. Что ж, если я не добуду воду для мытья пола, всегда можно выставить таз и просто подождать. Нужно будет найти кого-то, кто поможет разобраться с водопроводом. Очевидно, что он тут есть, надо только понять, как им пользоваться.

Подвал и правда нахожу рядом с ещё одной кладовкой в закрытой от потенциальных посетителей части первого этажа. Внутри темно и страшно. Очень некстати вспоминаются светящиеся кристаллы в доме бывшего мужа. Сейчас бы пригодились... Хотя, может, у меня тут тоже такие есть? Впрочем, я понятия не имею, как их включать.

— Надо будет хоть свечи найти, — говорю вслух, чтобы немного себя ободрить.

Голос звучит жалко. Хорошо, что я тут одна.

Медленно выдохнув, я признаю, что, стоя над лестницей, я точно не решу свои проблемы, и делаю осторожный шаг. Ступенька кажется надёжной, хоть и поскрипывает, когда я пере-ношу на неё вес тела.

— Ладно, — продолжаю говорить вслух, чтобы было не так страшно. — Сейчас спущусь и гляну, что там. Вдруг найду что-то полезное? Хоть бы вентиль был...

Как ни странно, это и правда помогает. Я преодолеваю всю лестницу и ступаю на пол. Радует, что здесь сухо — как минимум болотом и водой не тянет. Воздух холодный, пахнет камнем. Глаза понемногу привыкают к темноте, я различаю очертания предметов и понимаю, что источник света всё же предстоит найти, иначе я тут точно заблужусь.

— Что ж... значит, поднимусь наверх и попробую найти что-то полезное, — решаю я и с некоторой радостью поворачиваюсь к лестнице, как вдруг замечаю боковым зрением чьи-то глаза, зыркнувшие на меня между ступенек.

Глава 8

Взвизгнув, я отпрыгиваю назад и запинаясь обо что-то. Подвал наполняется грохотом, похожим на сотню уроненных металлических тазов. Сложно сказать, кто из нас напугался больше, я или владелец мерцающих глаз.

Вскрикнув ещё раз и громче, я бросаюсь обратно к лестнице и чуть ли не одним прыжком вылетаю на первом этаже и бегу к двери.

К чёрту! Вашу ж мать! Что это за хрень?!

В панике выбегаю на улицу. Сердце стучит где-то в глотке, бок колет, а всё тело колотит мелкой дрожью. По коже растекается жар, но внутри стоит такой холод, и мне начинает казаться, что я сейчас в обморок грохнусь от перегрузки ощущений.

В лучших традициях закона подлости, когда я добегаю до дороги, где стоял экипаж, доставивший меня в этот кошмар, с неба падают первые капли, которые достаточно быстро расходятся в ливень.

Очаровательно. Стою посреди улицы, глядя на мрачный дом, напоминающий череп какого-нибудь чудовища в единственном платье. Добавим к этому, что я ничегошеньки не знаю о мире, в котором оказалась, и картина станет совсем кислой.

— Чёрт!

Воздух становится влажным. Крупные холодные капли разбиваются о черепицу стареньких домов. Земля темнеет, чую, ещё полчаса — и тут будет настоящее болото. А если к ночи похолодает, может, и застынет всё. Надо в дом идти, но... страшно.

Пора пересмотреть свои взгляды. Глаза в подвале, конечно, жуткие, но торчать под дождём, рискуя подхватить пневмонию или ещё что — страшнее. Что-то я сомневаюсь, что найду тут антибиотики.

— Эй! Девочка! — слышу сквозь стук капель. — Ты чего там делаешь? Простудишься же!

Я оборачиваюсь и вижу на крыльце дома, стоящего напротив моего, высокую женщину. Не знаю, сколько ей лет, старухой не назовёшь, а девушкой уже язык не поворачивается. Сложена она крепко, большая круглая грудь обтянута цветастой блузкой, которая прячется в высоком поясе юбки в пол. На плечах плотная пушистая шаль из белых и серых нитей. Волосы спрятаны под косынкой.

— Иди сюда скорее! — машет мне крупной рукой.

Так как вариантов у меня всё равно нет, я припускаю к её крыльцу и с радостью забегаю под навес. Только сейчас понимаю, что успела вымокнуть до нитки, хотя стояла под дождём пару минут.

— Дурная что ли? — возмущается женщина. — Откуда такая?

Рассказала бы, да, боюсь, не поверит.

— Нет, там просто... — я рассеянно указываю на дом. — Там...

— Иди сюда! Неслышно же ничего! — кричит женщина, и я, понимая, что она права, иду к её дому.

— Простите, — натянуто улыбаюсь, смазывая рукавом капли с носа. — Кажется, в моём доме кто-то есть, вот я и...

— Поднимайся на крыльцо, нечего мокнуть! — манит она. — В каком доме? Там чары, не войдёт никто. Да и тебе там делать нечего.

— Есть... Это теперь мой. Выходит, соседка ваша? Давайте знакомиться.

— Шутишь, что ли? Эта развалина твоя? Мы всё ждём, когда он сложится наконец.

Очаровательно. А Эридан ловко всё продумал. Чтобы мне уж точно нечего было ловить в этом доме, и я поползла к нему на поклон. Под дождём мелькали такие мысли.

— Давай в дом, — женщина властно вталкивает меня в свою обитель, так что я даже возмутиться не успеваю.

Закрывшаяся дверь отсекает шум дождя и холод. Мы оказываемся в тёмной прихожей, ведущей в длинный коридор. Остальная часть дома будто бы находится на одну ступеньку выше входа. Удобно, наверно, грязь по комнатам не разносится. Слева на стене длинная вешалка, над ней полка с шапками, напротив тумбочка, которую можно использовать как скамейку. Почти как у меня дома, там, в реальности.

— Разувайся тут и проходи, — объявляет хозяйка, скидывая обувь и поднимаясь на «ступеньку» коридора. — Пол тёплый, но тапочки всё равно надевай, тебе ноги надо отогреть.

Не знаю, когда они там появились. Хозяйка, что ли, достала откуда-то?

— Меня зовут Лерта, — бросает через плечо женщина. — А тебя, соседка, как?

— Элизабет, — бегу следом, пытаюсь успеть за широкими шагами женщины. — Но можете звать просто Лизой.

Хм... она меня не знает? Вроде этот дом моим приданым был. Может, я тут не жила давно? Или Лерта недавно переехала? В любом случае мне это на руку. Связи хоть какие-то нужны, а необходимости держаться легенды нет.

— Славно. Расскажи-ка мне, Лиза, — хозяйка идёт мимо арки, ведущей в просторную гостиную, и входит в следующую комнату, которая оказывается кухней. На плите уже стоит чайник, огонь в печи весело потрескивает, как будто Лерта готовилась к моему появлению в своём доме. — Как так вышло, что тебе досталась эта развалюха? Она ж кому-то из ларианов принадлежит... Морнелу вроде?

— Да, ему, — киваю я, осторожно садясь на стул. — Вернее, дом был его. Но теперь мой.

Женщина проносится по кухне ураганом, достаёт чайник, засыпает в него заварку, какие-то травы, специи и сушёную цедру апельсина.

— Это как так получилось? Так, сейчас чай заварится, а я пока бутерброды порежу.

На этих словах мой рот наполняется слюной. Как бы я ни хотела быть милой скромницей, инстинкты берут своё. Непонятно, когда я в следующий раз смогу поесть.

— Ой, нужно ж тебя переодеть во что-то! — Лерта бросает нож и хватает полотенце. — Ты совсем без вещей, как я вижу?

— Да не стоит, — неловко улыбаюсь я. — Само высохнет.

— Вот ещё! — передо мной плюхается разделочная доска, кусок копчёного мяса, на миг заставляющий меня забыть о том, где я и кто я. — Порежь-ка. Сейчас найду тебе сухую одежду. Мои-то платья с тебя свалятся, но я гляну, может, с молодых лет чего осталось? В крайнем случае есть вещи моего сына.

Поджимаю губы. Неловко как-то. Я вошла в чужой дом в надежде максимум чай выпить, пока дождь пережидая, да попросить совета, каким чудом я могу привести в порядок дом, не имея денег. А теперь мне предлагается ещё и одежда?

Сжав зубы, чтобы случайно не вонзить их в мясо — нет, серьёзно, тут такой аромат, что даже сытый подавился бы слюной! — я поднимаюсь и иду к раковине, чтобы помыть руки. Нажимаю на ручку и, немного «покачав», смываю грязь и пыль чистой тёплой водой.

Боже мой, как приятно! Значит, водопровод в этом районе точно есть. Надо только понять, доступна ли вода в моей пока-что-развалюхе.

— Вот, принесла, — в кухню возвращается Лерта. — Ты чего там? А, руки греешь? Иди переоденься, милая. Мне даже смотреть на тебя холодно.

— Спасибо, большое, — виновато улыбаюсь я. — Мне так неловко за всё это. Не хочется вас утруждать.

— Да брось! Вещи всё равно лежат, и никто не трогает. Так хоть тебе пользу принесут. Давай идём. Под лестницей мастерская моего сына. Можешь переодеться там. Иди-иди, я сама тут.

Меня выталкивают из кухни от греха, в смысле от поедания мяса подальше. Некоторое время я топчусь в коридоре, не решаясь выполнить веленое, но потом всё же сдаюсь и иду к указанной комнате.

Осторожно вхожу. Внутри царит уютная полутьма, а единственный источник света — большое окно, залитое сейчас дождём.

На стенах висят полки, заваленные стеклянными банками с яркими жидкостями и странными ингредиентами: сушёными травами, кристаллами и редкими минералами. Их цвета переливаются в тусклом свете, создавая волшебную атмосферу.

Посреди комнаты широкий деревянный стол, усыпанный инструментами: острыми ножами, резцами и мелкими механическими деталями. На полу вокруг разбросаны чертежи и заметки.

Ого... Интересно, чем занимается её сын?

Дохожу до подоконника и расправляю свёрток с одеждой. Мне достаётся свободная рубашка большего размера, чем нужно, и широкие брюки с завязками — всё приятно пахнет мылом.

Немного повозившись, я стягиваю с себя мокрое платье и наклоняюсь, всовывая руки в рукава рубашки, как вдруг за спиной что-то щёлкает, и комнату заливают ровный золотистый свет.

Я вздрагиваю и прижимаю рубашку к груди. Собираюсь обернуться и сказать Лерте, что просто не нашла выключатель, но в дверях стоит не она, а худой долговязый юноша, который при виде меня роняет ворох скрученных в трубочки бумаг, и те рассыпаются по полу.

Глава 9

Я не знаю, как реагировать. С одной стороны, стоило бы заорать и потребовать наглеца прекратить пялиться на мои ноги и выйти. С другой — я, вообще-то, в гостях и вряд ли вправе что-то требовать.

Парень тоже не спешит выйти и дать мне одеться. Могу понять. Он меня тут явно не ждал и теперь раздумывает, кто я и чего тут делаю. Вдруг воришка?

И всё же стоять перед ним почти голышом так себе идея. Я хватаю штаны и прыгаю за шкаф. В тот же миг со стороны слышно неуверенное:

— Э-э-э... мам?!

Голос у парня высоковат. Как у подростка, перед тем как начать ломаться. Я успеваю рассмотреть, что у него слегка взлохмаченные каштановые волосы, доходящие ему до подбородка. На нём тёмная одежда такого же старинного кроя, но менее пафосная, чем у того же Эридана или кучера, который меня от него привёз.

Это сын Лерты? Проклятье, как неловко вышло...

Слышу, как хозяйка отзывается с кухни. Парень, кажется, прикрывает дверь и идёт поговорить с ней. Я слышу его голос, но из-за грохота пульса не разбираю слов.

Проклятье! Может, по-быстрому переодеться обратно в платье да сбежать к себе? Вот только смогу ли? Очевидно, что я одна в затянутом паутиной доме долго не протяну. К тому же на кухне мясо...

Ладно. Придётся брать себя в лапки и идти сдаваться. В конце концов, это же даже не моё тело. Ну подумаешь, увидел парень ножки какой-то барышни! Я, в конце концов, не без трусов стою, на мне панталончики. С другой стороны, всё равно коротковато для этого мира. Я пока только платья в пол видела.

Быстро одевшись, я затягиваю завязки штанов, обернув их вокруг себя, рубашку заправляю. Обувь будет та же, а волосы я расплетаю, чтобы немного встряхнуть, собрать пряди у висков и закрепить на затылке. Похожа на бедного рабочего времён освоения Америки, ну да ладно. Возможностей у меня не намного больше, чем у него.

У двери задерживаюсь и, чуть-чуть подумав, собираю оброненные хозяином кабинета чертежи. Складирую их все на столе, решив, что здесь найти их будет проще всего.

Когда я возвращаюсь в кухню, Лерта, видимо, уже вводит своего сына в курс дела. Парень стоит у стены, заинтересованно повернув ко мне голову и сложив руки на груди.

Теперь, когда он понимает, что происходит, то держится намного увереннее, от чего я второй раз окидываю его взглядом.

Как странно. Сперва мне показалось, что он не очень, но теперь, при нормальном свете, выглядит неплохо.

— Здравствуйте! — киваю я. — Извините, что вторглась в ваш кабинет. Думала, успею переодеться и никому не помешать...

Он молчит дольше необходимого. Бросает взгляд на мать и теряет остатки солидности.

— Впредь не заходите в мой кабинет. Я провожу в нём важные исследования, и мне бы очень не хотелось, чтобы вы в нём что-либо испортили. Или устроили беспорядок. Или что-то разбили. Вот последнее хуже всего.

М-да. Перед ним стояла практически голая женщина, а он беспокоится о беспорядке? Хотя, может, это реакция на стресс такая?

— Я... э-э-э... учту на будущее, — растягиваю губы в улыбке. — Извините.

— Шон! — грозно рывкает Лерта, и парень вжимает голову в плечи. — Веди себя прилично! У нас гостя, оказавшаяся в сложной жизненной ситуации, а ты набросился на неё с упрёками! Где твои манеры? Разве я так тебя воспитывала?!

Если что-то и может сделать ситуацию ещё более неловкой, так ответ Шона: «Ну ма-а-а-ам!» К счастью, он его избегает и раздражённо отворачивается.

— Садись, Лиза, садись! Не обращай на него внимания. Вечно сидит над своими чертежами, уже и забыл, как девушки выглядят, вот и ведёт себя как... тьюфак!

Ага, и ты поэтому решила ему, так сказать, голую женщину показать? А я-то хотела возмутиться, что тут извращения в мой адрес и насилие.

А теперь думаю, может, мне подыграть? Не могу сказать, что я эксперт в человеческих взаимоотношениях, но, по-моему, здесь классика в духе: сыночке пора невесту искать, хорошую, добрую и работающую. И тут так кстати дева в беде мокнет под осенним дождём на улице. Теперь ясно, чего Лерта так бодро затащила меня в дом.

Мне следует, конечно, вежливо встать и уйти. Возможно, попади в тело Элизабет какая-нибудь правильная Лиза, она бы так и сделала. Но тут я, и мне очень нужна помощь. В конце концов, что плохого может случиться, если я немного подыграю? Просто чтобы получить больше информации и хотя бы чай с этим мяском попить.

Оказывается, заткнуть мораль не так сложно, если у тебя реальные проблемы и перспективы ни одной. Нужно быть осторожной, ступая на эту дорожку. При условии, конечно, что Шон не взбрыкнёт и не пошлёт лесом и маму, и меня.

— Не стоит, — скромно опускаю ресницы. — Мне правда неловко. Я, пожалуй, лучше вернусь к себе. Не хочу мешать вам.

— Сядь, Лиза, — с улыбкой, но твёрдо требует Лерта. — Хочешь, чтобы дом тебе на голову упал? Шон, ты представляешь, она теперь живёт в посудной лавке.

— Она же принадлежит лариану, — хмурится парень. — Как она тебе досталась?

Второй раз это слово. Видимо, должность? Или это ещё что-то значит?

— Он отписал её мне, — решаю быть с ними предельно честной. Чтобы и спалось спокойнее. — Не сошлись во взглядах на жизнь, закончили отношения, и вот теперь я здесь.

— Т-ты... Ты Элизабет Морнел? — вскидывает брови и отлепляется от стены Шон.

Я хмрюсь. Сейчас возникает такое же ощущение, как когда к тебе подходят трое полицейских из тех, кто может проломить плечом кирпичную стену, и спрашивают твоё имя. Очень хочется соврать, сделать вид, что я — не я, вот только... Что с полицейскими, что сейчас есть ощущение, будто моя личность уже раскрыта.

— Да, — стараюсь говорить спокойно. — Это проблема?

Глава 10

Сердце колотится где-то в горле. Насколько страшно для меня наше возможное знакомство? В принципе, если Элизабет отсюда родом, они с Шоном могут быть друзьями детства. То есть мы с ним.

Чёрт!

Соврать, что я крепко приложилась где-то головой и ничего не помню? Поверит ли?

— Что-то не так, сынок? — с нажимом давит на него Лерта.

— Да нет, просто... — Шон смотрит на меня, но не выдерживает прямого взгляда и отворачивается. — Вроде бы мы встречались. В детстве ещё.

Я прикусываю губу. Со стороны может показаться, что я пытаюсь вспомнить, на деле же прикидываю, насколько популярным мог быть Шон. С виду он такой... классический изгой — ну взять хотя бы то, что с мамой живёт. Значит, вряд ли парень был особо общительным. И раз меня не узнаёт, очевидно, что я не в роли его потерянной подружки детства, заменившей ему всё и всех.

Грустно, конечно, но сейчас мне это на руку. И да, я всё ещё не делаю ничего плохого.

— Прости, кажется, я тебя не помню, — смущённо улыбаюсь я.

— Неудивительно, — Шон дёргает плечом. — Ты же болела постоянно. Если не в больнице, то на улицу не выходила.

Поджимаю губы. Выходит, у Элизабет дела ещё паршивее моих? Я-то хоть во взрослом состоянии свалилась, а та совсем ребёнком.

— Ой, ну полно тебе! — отмахивается Лерта, чувствуя, как падает настроение в комнате. — Давайте лучше есть! У меня и пирог на подходе!

Как и когда она успела приготовить его, я не представляю.

Разговор плавно перетекает на нейтральные темы, Лерта негодует, что сейчас смоем дорожку, а Шон шутит, что нельзя смыть то, чего нет.

— Элизабет. Вот ты вернулась в наш богами забытый район. Как ты собираешься здесь жить, если все, кто заслуживает хоть каплю уважения, давно разъехались?

— Ну как же? — я прячу улыбку в чашке. — Есть же вы.

— Но здесь совсем нет компании для девушки. Все едва сводят концы с концами, из развлечений — одно пьянство. Здесь совсем не так, как ты привыкла, живя в центральной части столицы.

Мне нравится, как тактично они обходят тему моего замужества.

— Пока что мне не до развлечений. Я ещё не знаю как, но постараюсь восстановить дом. Раз уж мне пока некуда больше идти.

— Я к тому, — похоже, я свернула не туда, куда хотела Лерта, и она спешит выправить разговор в нужное ей русло, — Шон может стать идеальным другом и собеседником для тебя... Особенно если рассмотреть это с романтической точки зрения.

Шон в этот момент едва не захлёбывается чаем.

— Мам!

Однако его смущение только подогревает интерес Лерты. Она тянется к своей чашке.

— Вы ведь оба так хорошо ладите! Как насчёт того, чтобы провести вместе вечер — не только за чаем, но и за чем-то более увлекательным? Например, можно устроить пикник на природе. Ты мог бы показать ей приятные места, возможно, вы вместе вспомните забавные случаи из своего прошлого.

Шон в ужасе смотрит на меня. Перечить матери он явно не привык, так что перебрасывает ответственность. Ну, на самом деле я тоже не горю желанием.

— Боюсь, в ближайшее время у меня совсем не будет на это времени, — вздыхаю я. — Сами понимаете, нужно успеть подготовить дом к зимовке. Не представляю, как это сделать. Я совсем не разбираюсь в домоводстве.

— Если дом ещё жив, будет несложно. Учитывая, что он до сих пор не рухнул, вероятность есть, — отмахивается Лерта. — Шон, милый, давай ты сходишь взглянуть?

Я пропускаю мимо ушей посыл. Дом может быть живым? Это как? Что это значит? Насколько живым? Это он на меня из-под лестницы смотрел?

— У меня ещё полно работы, — ворчит парень.

— Ох, можно подумать, ты там на весь день застрянешь! — она подмигивает мне. — Впрочем, причину этого я могу понять.

Какое неловкое у меня положение. С одной стороны, я остро нуждаюсь в помощи, с другой... Не хочется подставлять Шона, всё же муженёк не зря обозначил это в нашем «разводном документе». Да и этот живой дом... Нужно выяснить, что это значит, но спросить прямо я не могу.

— Было бы здорово, если бы ты взглянул на трубы, — мило улыбаюсь я. — Думаю, будь у меня вода, я стану менее беспомощна.

— Ладно, идём, — сдаётся парень и со скрипом отодвигает стул.

Лерта суетится, чтобы положить в корзину остатки пирога мне на ужин. Пихает туда же свёрток чая, сыр, хлеб, пару помидоров. Наверняка сложила бы внутрь ещё половину кухни, если бы не недовольное хмыканье Шона. Мне даже за это неловко, но отказаться не позволяет инстинкт самосохранения. И понимание, что, если я не возьму корзину, её придётся тащить Шону.

Ему всё равно пришлось тащить её, но теперь было хотя бы по собственному желанию.

— Спасибо большое, — оглядываюсь. — И вам, Лерта, и тебе, Шон. Познакомилась с вами и поняла, что жизнь ещё не закончилась, хотя проблем выше крыши.

— Конечно, не закончилась, ну о чём ты, девочка, — отмахивается женщина.

— Идём, — Шон поднимает руку, и над его головой будто появляется невидимый купол, о который разбиваются дождевые капли.

Я подбегаю к нему, старательно делая вид, что для меня такое в порядке вещей и я вот вообще не хочу пялиться на купол с открытым ртом. Реально магия! Обалдеть.

Идти приходится достаточно близко, но я внимательно слежу за тем, чтобы не касаться парня. Никаких ложных надежд. Максимум френд-зона, да и то лучше сразу предложить ему плату в обмен на помощь. Может, в кабинете прибраться? Или помочь с экспериментом? Я не очень многое могу, но что-то придумаю.

Входим в дом. После тёплой и уютной атмосферы у Лерты, посудная лавка выглядит совсем гибло. Чтобы разбавить удручающую обстановку, я негромко спрашиваю у Шона:

— Ну что? Жив дом?

— Пока сложно сказать, — хмурится он, проходя по залу.

Осколки стекла хрустят под его ногами.

— А как узнать? — семеню следом. — Ты прости, мне в новинку. Там... в центре, я об этом не задумывалась, если честно.

— Ну конечно. Там не факт, что вообще живые дома.

Интересно. Это значит, те роскошные хоромы мертвы, а этот напоминающий скелет дом нет? Как измеряется? Наличием тараканов?

— И что делать?

— Ждать. Дома умирают без хозяев. Когда понимают, что больше не нужны, что некого греть и защищать. Здесь очень давно не живут. Ещё и магическая защита стояла, чтоб не влез никто.

— Зачем так делать? — хмурюсь я.

— Потому что живой дом не даст себя снести.

— А что ещё могут такие дома? Что? Я правда не знаю.

— Как минимум горячей водой он тебя обеспечит. И огнём в камине.

— Ух ты!

— Да, — Шон рассеянно трёт шею. — Но рано не радуйся. Мы не знаем, жив ли твой дом, или его целостность — просто случайность. Идём, попробуем пробить воду. Если получится, значит, шанс есть.

Глава 11

Следующим чудом, которое показывает мне Шон, становится зажигание кристаллов. Сосед говорит, что, если мой дом оживёт, он сам будет зажигать свет в комнатах, в которых кто-то есть. Такие вот лампочки с датчиком движения, ага. Шон находит их в коробке под лестницей, ведущей на второй этаж, и объясняет, что потом нужно будет проверить и заменить те, что оказались расколоты.

Прямо как лампочки. Вообще, если так и дальше пойдёт, можно будет не жалеть, что оказалась в новом мире. Это точно не страдающее средневековье.

Мне хочется узнать больше про магию и то, что ей можно делать, но я очень боюсь перегнуть с расспросами. Вдруг всё это вещи, которые известны и трёхлеткам? К тому же я не знаю, насколько опасно для меня признаться, что я не настоящая Элизабет. И пока я всё это не выясню, лучше быть осторожнее.

— Слушай, а можно как-то научиться магии? — спрашиваю я, когда он кладёт в мою ладонь светящийся камень. — Неизвестно, когда дом проснётся и проснётся ли вообще. Мне не хочется каждый раз тебя дёргать, когда понадобится свет, в подвал спуститься, например.

— Если магия не проявилась до сих пор, то, скорее всего, её и не будет, — хмыкает он. — К тому же женщины редко обладают даром. Вы не выдерживаете последствия порочного отката.

Хм... Как интересно. Думаю, если я спрошу, что это за откаты, он точно сочтёт меня чокнутой.

— Странно. Обычно женщины выносливее.

— С чего ты взяла? — хмурится Шон, останавливаясь у лестницы в подвал. — Ты болела практически всё детство. Думаешь, теперь у тебя есть шанс?

— Я имею в виду в принципе. Взять хотя бы рождение и вынашивание детей, — рассуждаю я, покачивая камнем. — Или козёл-муж, который притаскивает домой любовницу, спит с ней на простынях, которые ты стираешь, гладишь, и оба только и ждут, чтобы от тебя избавиться.

— Это случилось с тобой?

Ой...

Я испуганно хлопаю ресницами, глядя на встревоженное лицо Шона. Зря я всё это начала...

— Неважно, — пожимаю плечами и поворачиваюсь к чёрной пасти ведущего вниз прохода. — Давай лучше попробуем оживить мой дом. Это мы хотя бы можем контролировать.

— Я бы никогда не поступил с женщиной подобным образом, — неожиданно объявляет Шон.

— Значит, ты уже лучше моего бывшего мужа, — улыбаюсь я.

Обоих мужей, судя по всему.

Мы спускаемся по узкой лестнице в подвал. Шон идёт впереди, его фигура уверенно движется в темноте. Я держусь за ним, внимательно глядя под ноги. Наши шаги отзываются в пустоте подвала шуршащим поскрипыванием. Когда мы оказываемся внизу, поднимаю камень повыше, освещая стены. Обладателя мерцающих глаз не видно. Думаю, сбежал, когда я тут орала.

— Так, нужно найти вентили, ты не...

Но я, взвизгнув, уже несусь в дальнюю часть подвала.

— Ты видишь?! Видишь?! — я едва не спотыкаюсь о какую-то коробку. — Печь!

Всё, Дима, иди ты к чёрту окончательно! И Эридана прихвати, чтоб вам не скучно было.

Печь для обжига. Красота! Она выглядит немного не так, как мне привычно, но сделаю скидку на то, что я сейчас в другом мире. В подтверждение тому, что это именно то, чего я хотела, на столах вокруг много заготовок, часть которых, судя по всему, ещё не обожжена, поэтому некоторые изделия треснули и разломились.

— Ты умеешь этим пользоваться? — Шон оглядывает находку, недовольно сморщив нос.

— Конкретно с этой — нет, но думаю, что разберусь! Поможешь мне осмотреть её?

— Нет. Мы пришли проверять трубы, этим и займёмся. У меня ещё работы много.

Хочется возмутиться, но он прав. Для полной версии эксплуатации несчастного парня надо переходить из друзей в пару, а мне это не интересно.

У меня же есть печь! Я смогу сделать новую посуду! И открыть магазин! Если мой дом ещё оживёт и даст мне воду — я точно перезимуую спокойно!

Шон кажется совершенно незаинтересованным. Осмотревшись, он находит то, за чем пришёл — паутину медных труб, образующих красивый узор хитроумных переплетений на одной из стен. Я решаю, что печь никуда не денется и лучше сейчас посмотреть, что он делает. Вдруг придётся самой подкручивать?

Впрочем, быстро становится ясно, что я так не смогу. У меня же нет магии. Шон манипулирует некоторыми элементами системы на стене. Я наклоняюсь, наблюдая через его плечо, как его пальцы прикасаются к сияющим рунам, гравировкам, незаметным на первый взгляд, то зажигая, то «отключая» их.

С тихим шипением и вибрацией металлические трубы начинают искриться будто магическим светом, выделяющим швы. Он разливается по всей системе, оживляя её, словно кровеносные сосуды под кожей. Я чувствую, как тепло пробуждает воздух вокруг нас.

— Думаю, сработало, — объявляет Шон, поднимаясь и отряхивая брюки. — Нужно немного времени, чтобы трубы наполнились и прогрелись как следует. Сейчас вода будет грязной, потом холодной, а через пару часов уже сможешь принимать ванну и всё такое.

Я улыбаюсь, взглянув на него.

— Спасибо, Шон. Это действительно... невероятно. Теперь мне будет куда комфортнее здесь жить.

Мы направляемся обратно наверх, я иду рядом с ним, пытаюсь не терять восторга от возможного возвращения воды в этот старый дом. Но как только наши ноги касаются первого этажа, я слышу это. Едва уловимый, но всё же настойчивый звук капель за поворотом лестницы.

— Слышишь? — шепчу я, не прекращая движения.

Звук становится всё громче по мере приближения к лестнице, ведущей на второй этаж.

Шон замедляет шаг, его лицо снова проходит через тени тревоги.

— Это похоже на... течь, — говорит он тяжело, и в его голосе звучит предчувствие, что поддержки магии может не хватить, чтобы исправить это.

Мы в спешке поднимаемся по лестнице, звук быстро нарастает, словно вода зовёт нас. Стоит подняться, как перед нами открывается жуткое зрелище: из-под кухонного шкафа хлещет вода.

— О, нет...

Шон снова демонстрирует рыцарские качества и вместо того, чтобы сбежать и оставить меня самой разбираться с этим кошмаром, напротив, двигается вперёд, его уверенность не исчезает, но теперь она становится чем-то глубоко утешительным для меня.

— Не волнуйся. Мы справимся, — говорит он, и я знаю, что это не просто слова. В его глазах отражается решимость всё исправить.

Я смотрю в его спину и вдруг ловлю себя на мысли, а может, зря я скинула парня со счетов? Он точно лучше Эридана будет.

Глава 12

Стою в дверном проёме, наблюдая за тем, как Шон, сосредоточенно нахмурившись, устраняет проблему с прорвавшейся трубой. Потоки воды стремительно захватывают пространство второго этажа, отражаясь мягким блеском от стен и потолка.

Честно признать, подобное происшествие выбило бы у меня землю из-под ног и в моём реальном мире. В такой ситуации первое, что хочется сделать — бегать и паниковать, но нельзя. Нужно перекрыть воду? Как это сделать, если всё работает хрен пойми как? Где мне взять магического сантехника?

Боже, мне хочется на ручки! Я почти готова бежать к Эридану, лишь бы не разбираться с этой проблемой самой. У меня лапки.

И без того не слишком презентабельная в настоящее время кухня-гостиная залита водой, на поверхности которой плавают разводы пыли.

Шон активно размахивает руками. С его пальцев то и дело слетают золотистые искры. Он работает с невероятной ловкостью и сосредоточенностью, а я понимаю, что среди всего этого хаоса он — единственная стабильная точка.

Наконец вода перестаёт прибывать. Шон сделал что-то и заткнул течь. Теперь всё это нужно будет убрать, пока дерево не вздулось. Хотя после такого оно наверняка вздуется, но, боюсь, это меньшая из моих проблем.

— Го-тово, — тяжело выдыхает парень.

Он находит ладонью край стола и опирается на него.

— Всё, дальше сама, — взмахивает рукой, будто отгоняя насекомое. — Хватит с меня на сегодня помощи.

Мне, конечно, очень хочется попросить его ещё немного поколдовать, уверена, он весь этот беспорядок в два счёта уберёт, но я решаю не нагнеть.

— Шон, ты и так сделал более чем достаточно. Огромное тебе спасибо за помощь!

Он кивает, утирая пот со лба. В его глазах видна усталость, но и удовлетворение, похоже, он доволен выполненной работой.

— Уверен, ты справишься с остальным.

Так-то да... Но можно как-то немного больше сочувствия? Соучастия? Не то чтобы я напрашивалась на жалость, но капелька эмпатии ему точно не помешает.

— Да, не переживай. Ты так много сделал.

— Я не переживал.

Нет, ну он точно себе на уме! Могу понять, почему его мама так обеспокоена тем, что у него нет невесты. Ладно я, лицо незаинтересованное, но любой потенциальной девушке подобное отношение будет как минимум неприятно, так что, если он всерьёз настроен найти себе невесту, следует поработать над этим.

— Благодарю ещё раз. Идём, я провожу тебя.

Шон от помощи не отказывается. Мне кажется, будь его воля, он бы мне на руки запрыгнул.

— Так сильно устал от магии? — уточняю я.

— Это откат, — объясняет он. — Порочный. У меня лень.

Я угукаю. Лень так лень, что бы всё это ни значило. Нужно будет где-то поучиться магическим премудростям. Чтоб дурочкой не выглядеть. Может, в книгах что-то есть?

— Тебя провожать до дома?

— Нет. Честно говоря... — он окидывает меня каким-то странным взглядом. — Прости, конечно, но не думаю, что у нас что-нибудь получится.

Эм... да я не то чтобы собиралась...

— Оу. Ну... ладно, — натягиваю на лицо вежливую улыбку. — Но мы же можем просто общаться, да?

А то вдруг мне опять придётся трубы ремонтировать.

Шон бросает на меня оценивающий взгляд.

— Только если ты не будешь втайне на что-то рассчитывать.

Оу... Да тут тяжёлый случай! Пожалуй, я не буду упоминать, что изначально ни на что не рассчитывала. Пусть он гордится тем, что отшил красивую девчонку.

Ну... относительно. На любителя. Да и, в конце концов, все женщины прекрасны.

— Договорились. Исключительно дружеские отношения, можешь спать спокойно, — кладу ладонь на грудь. — Просто я тут никого не знаю. И не помню. Хочется хоть с кем-то по душам поговорить. Иногда.

Шон отвечает спокойной, ободряющей улыбкой. Я довожу его до порога и прощаюсь, изо всех сил удерживая на лице маску дружелюбия. Дожидаюсь, когда он скроется в своём доме, закрываю дверь и прислоняюсь к ней спиной.

Да уж...

Ладно, это не моё дело. Всё равно Эридан чёрным по жёлтому написал, что открутит голову любому, кто позарится на местечко в моей постели. Так что даже хорошо, что всё вышло так. Я вполне переживу то, что не понравилась ему как женщина. Это даже хорошо, что у него есть вкус.

Собравшись с мыслями, я беру из чулана ведро и даже нахожу примитивный вариант швабры. Думаю, с ним быстрее будет. И спина мне ещё пригодится. Затем нахожу тряпку поцелее и иду убирать последствия прорыва.

Уборка становится своего рода медитацией. Швабра тихо скребёт по деревянному полу, вытесняя воду. Движения ритмичные и успокаивающие — я сосредотачиваюсь на каждом взмахе, наблюдая за тем, как красиво сложенному паркету возвращается порядок.

Вздуется... Вопрос в том, насколько сильно?

Ощуаю тепло в груди, когда понимаю, что я, похоже, справляюсь с проблемами. Эридан может подавиться — и без него не умерла. Вода исчезает, впитываясь в тряпку, и я чувствую, что возвращаю контроль. Порядок внутри и снаружи. Я знаю, что дом снова станет безопасным и уютным. Оживёт и покажет ещё много разных чудес. А всё плохое забудется.

Пока я намывала пол и сгребала весь мусор на одну из старых простыней, за окном совсем темнеет. Комната выглядит лучше, думаю, завтра я протру шкафы и выгребу из них всё, а потом помою пол ещё раз. Сегодня с него хватит воды.

Вспоминаю про корзину, оставшуюся на первом этаже, беру один из светящихся камней, зажжённых Шоном, и иду забирать свой ужин. Надо будет заглянуть в витрины, может, осталось что-то ценное, чтобы подарить Лерте в знак благодарности.

Спускаюсь на первый этаж и уже на лестнице понимаю, что что-то неладное творится. Корзина, которую Шон оставил на одной из витрин, слегка покачивается, будто внутри кто-то... забрался.

Не дай бог мышь!

Я подхожу ближе, отчаянно уговаривая себя не орать, ведь я намного больше любой, даже самой толстой мыши. И крысы. Сглотнув, сдёргиваю полотенце, накрывающее еду, и чуть не взвизгиваю, когда на меня начинается шипеть и утробно рычать пушистое нечто.

— Боже ты мой... Котя, ты откуда тут? Мясо моё жрёшь?

Глава 13

На витрине рядом с корзиной округляет спинку котёнок-подросток. То состояние кота, когда они похожи на нескладную сосиску. Ещё не слишком крупный, чтобы считаться взрослым, но уже и не крошка, которую иначе как ребёнком не воспринимаешь.

Нормальный такой относительно взрослый кот. Пытается сейчас одновременно жевать то, что осталось от нашего с ним мяса, и шипеть на меня.

— Тихо ты, пушистик, — улыбаюсь я и делаю шаг к нему. — Кушай, никто у тебя не отбирает. И так вижу, что тебе нужнее.

Кот пятится к краю стола, роняя корзинку набок, пытается заглотить оставшийся кусок целиком и ожидаемо давится им.

— Боже мой, ты мне только не помри тут, ладно? — я подбегаю ближе.

Котик пробует отскочить, но из-за того, что он пытается слопать больше, чем может, у него ничего не выходит, и я успеваю поймать зверёныша. Поперёк туловища.

Тоненький какой! Был бы у меня ещё кусок мяса, точно отдала бы ему. Впрочем, нет. Таким голодающим сразу много еды нельзя.

— Да не заглатывай так. Ты же кот, а не питон!

Хватаю кусок мяса, застрявший в пасти зверька, и вытягиваю, игнорируя шипение, рычание и взмах лапой. Непобеждённый кусок мяса отстраняю на вытянутой руке, на её сгиб вешаю корзинку, пытающегося восстановить дыхание кота тоже прихватываю поудобнее и несу всё это добро на второй этаж.

В кухне пахнет сыростью и мокрым бетоном. Или камнем, сложно сказать. Уборку тут ещё предстоит навести, но всё же это не мешает мне найти какую-то мисочку и нож в ящиках. Оставив корзинку на кухонной тумбе, я иду вместе с котом и мясом к обеденному столу и, поставив зверя, тут же ловлю его снова за шкурку, когда тот пробует вцепиться в мясо.

— погоди ты. Я порежу, и поешь!

Кот недоверчиво косится на меня, будто понимает, но вторую попытку атаковать не предпринимает.

— Честно, порежу, — для убедительности киваю я.

Кот позволяет поставить себя, чтобы освободить руку. Нож у меня, конечно, оставляет желать лучшего, но, думаю, кот простит мне неидеальную нарезку. Впрочем, это больше похоже на продавливание.

Когда я пересыпаю получившиеся кусочки в миску, слюной захлёбываемся мы оба. Но я всё же брезгую есть с котом один кусок мяса. Не настолько голодна. Так что, пока мой троглодит набивает тощее брюхо, я достаю из корзинки кусочек хлеба и ломтик сыра, которые задумчиво отправляю в рот, рассматривая нового соседа. Что ж мне с ним делать-то?

Ладно. Как-нибудь выкрутимся.

Кот доедает и садится перед мисочкой, с удовольствием облизывая свои усы. Я протягиваю руку, но не слишком резко, и осторожно касаюсь его спинки — пусть привыкает. Котёнок замирает, потом медленно поворачивает ко мне голову, будто проверяя, не собираюсь ли я ему вредить.

— Всё в порядке, — успокаиваю я. — Голодный был, вижу. Вкусно хоть? Или так, проглотил, чтоб желудок растянуло?

Котик моргает, и его поза становится чуть расслабленнее.

— Знаете, мадемуазель, — вдруг произносит он чистым, хоть и немного детским голосом, — мясо действительно было превосходным.

Я отшатываюсь, едва не упав.

— Ты... говоришь?!

— А вы, — продолжает он, облизываясь, — не из этого мира, верно?

Моё сердце пропускает удар. Я чувствую, как холодеет спина.

Он будто бы жуёт, но нет гарантий, что это не остатки мяса. Как кот может говорить? У меня такое чувство, словно я слышу звук в наушниках, прямо в голове.

Я с ума схожу? Или в чём дело?

— Как... как ты узнал?

Котик выглядит довольным и принимается облизывать лапы.

— О, это просто! Иначе вы бы не слышали моего голоса. И, кстати, не обязательно говорить вслух. Другие люди меня не слышат, только драконы и очень сильные маги смогут. Просто думайте, когда хотите обратиться ко мне, и я услышу.

Я медленно сажусь на страдальчески скрипнувший диван, пытаюсь осмыслить происходящее. Говорящий кот, драконы, маги... Интересно, Шон — сильный маг?

— И... что теперь? — у меня уходит несколько попыток на отработку того, как правильно думать мысль, чтобы новый друг и правда услышал, но мне сроду не хватит слов, чтобы объяснить, как я это делаю.

— В каком смысле?

— Раз ты в курсе, кто я, значит, сможешь и помочь мне... вернуться?

— Зачем? — котёнок выглядит обеспокоенным. — У вас там... что-то важное осталось?

Я прикусываю язык. Нет, там у меня козломуж, которому надо голову открутить, и слабое тело, которое, как мне кажется, долго не протянет. Здесь козломуж тоже есть, но у меня хотя бы со здоровьем порядок. Пока.

— Дело в том, что я не уверена, что справлюсь со всем этим. Магия, мои разборки с Эриданом... это муж Элизабет, то есть меня.

Господи, впервые за этот день я чувствую, как с плеч сваливается тяжеленая цепь. Звено за звеном. Я говорю с кем-то о своей проблеме. И пусть это только котик. Так даже лучше. Спокойнее.

— А как вас зовут на самом деле?

— Лиза. Ну, в целом созвучно с именем этой девушки. И можно на «ты».

— Здорово. А я Перец. Знаешь, Лиза, я... если честно, не знаю, как тебе вернуться. Но даже если бы знал... Ты уйдёшь, а я опять буду один.

— Я могла бы поговорить с Лертой. Вдруг она смогла бы присмотреть за тобой?

Перец кривится.

— Люди в нашем мире не любят котов. Мы слишком тесно связаны с магией.

— Тогда люди в вашем мире дураки, — хмыкаю я. — Знаешь, я передумала. Если будет способ вернуться, я заберу тебя с собой.

Мы смеемся.

— Ладно, что нам с тобой делать-то? Нужно же как-то обжиться тут? Ты знаешь что-то про Эридана Морнела?

— Да. Он очень опасен, — говорит Перец тихо. — Он лариан. Это королевские советники-драконы, их семеро. Высшие маги, которые управляют страной. У всех них равные права, но каждый решает проблемы немного по-своему. То, что он был женихом девушки, чьё тело ты заняла... это усложняет ситуацию. Может что-то заподозрить.

— И-и-и... что будет?

— Потому что попаданки — это плохой знак. Равновесие нашего мира нарушено. Что грядёт что-то страшное, — котёнок запрыгивает ко мне на колени. — Но не бойся. Король и ларианы что-нибудь придумают.

Ну да, ну да! Главное, держаться от них подальше. Впрочем, Эридан сказал мне не показываться ему на глаза, это должно быть несложно.

Наверно, ужинает сейчас со своей Никозеллой чем-нибудь эдаким. Серо-буро-малиновыми устрицами и запивает голубым шампанским, да ставки делает, как скоро я приползу проситься на коврик у двери. Пф!

— Слушай, Перец, а ты что-нибудь знаешь про то, как оживить...

Меня перебивает странный звук с первого этажа. Как будто дверь хлопнула. Замираю, прислушиваясь, а после слышу громогласное:

— Элизабет! — от голоса Эридана все волосы на моём теле встают дыбом. — Где ты?!

Глава 14

— Элизабет! — властный голос Эридана эхом отражается от стен. — Если ты думаешь, что от меня можно спрятаться, то сильно заблуждаешься!

Перец поворачивается ко мне. Янтарные глаза становятся серьёзными, шерсть на холке встаёт дыбом.

— Элизабет, — шепчет он едва слышно, — что бы ни случилось, не выдавай ему, кто ты.

Сердце колотится как безумное. Я встаю, машинально поправляю складки одежды. Проклятье, моё платье лежит здесь же, на столе, аккуратным свёртком, а одета я в мужскую одежду, которая когда-то принадлежала Шону. Перед глазами как-то совсем не к месту проплывают строчки нашего договора и проблемы, которые сулят связь с мужчиной...

Чёрт! Буду врать, что нашла одежду в доме. Руки дрожат, когда я слышу тяжёлые шаги на лестнице. Когда он ступает на второй этаж моего жилища, ладонь в том месте, где впитались осколки чашки, начинает пульсировать.

Эридан возвышается на пороге, как грозовая туча. Он успел переодеться, теперь его тёмно-синий камзол расшит серебряными нитями, которые мерцают в свете магического кристалла. Чёрные, как вороново крыло, волосы небрежно схвачены лентой. Он по-прежнему красив, но что-то изменилось. Может, конечно, из-за полумрака, но Эридан кажется немного бледным.

— Где она? — в его голосе лязгает металлом едва сдерживаемая ярость.

Я чувствую, как по спине пробегает холодок. Воздух в комнате сгущается, становится тяжёлым.

— Кто? — стараюсь говорить спокойно, хотя внутри всё сжимается.

— Не притворяйся, — он делает шаг вперёд, и я невольно отступаю. От него исходит почти осязаемая волна гнева. — Артефакт, который ты украла.

Да вашу ж мать... Ну и как мне объяснить, что я его расколола, а потом в себя втянула? Эридан мне голову одной рукой раскрошит. Будто яичную скорлупку.

— Я ничего не брала, — говорю твёрдо, хотя метка на ладони начинает гореть сильнее. — Ты сам выгнал меня, помнишь? — горечь в голосе появляется сама собой. — Сказал, что теперь будешь счастлив с Никой.

Его лицо искажается, словно я ударила его. На мгновение в глазах мелькает что-то похожее на боль, но тут же исчезает.

— Не смей произносить её имя! — рычит он, и я замечаю, как его руки сжимаются в кулаки. — Артефакт пропал после твоего ухода. И ты прекрасно знаешь, насколько он важен.

Перец наблюдает за нами с подоконника, его хвост нервно подёргивается.

— И поэтому ты мчался в такую даль? Может, стоило поискать дома? Или спросить у своей... — я запинаюсь. — Новой хозяйки?

Эридан проходит в комнату, его сапоги оставляют следы на свежeweымытом полу. Я понимаю, что он запачкался, пока шёл от улицы до крыльца моего дома, а потом ещё собирал пыль с первого этажа, но всё равно обидно. От него пахнет озоном, как перед грозой, и ещё чем-то горьким, металлическим.

— Не дерзи мне! — огрызается он. Голос спокойный, но от его звучания всё равно хочется заткнуться. — Эта чашка... очень важна.

Я замечаю, как его пальцы слегка подрагивают, а на виске пульсирует жилка. Что-то определённо не так с ним.

— Настолько важна, что ты вспомнил о ней только сейчас? — слова вылетают прежде, чем я успеваю прикусить язык. — У меня её нет. Но, пожалуйста, — я обвожу рукой комнату, — можешь всё осмотреть. Если не веришь.

Эридан хмыкает и действительно методично обыскивает помещение, заглядывая в каждый угол, открывая ящики. Его движения становятся всё более резкими, нервными.

— Ты взяла её, — его голос звучит хрипло. — Только ты знала, где я её хранил.

Моя ладонь пульсирует. Будто чашка пытается дать своему хозяину знак. Я прячу руку за спину, прислоняясь к столу.

— Значит, плохо прятал, — отвечаю я, наблюдая, как Эридан перебирает ржавые столовые приборы. — Или недостаточно доверял своей жене.

— Бывшей жене, — резко оборачивается.

— О, так теперь ты это признаёшь?

Внутри поднимается волна горечи. Чья она? Преданной бедняжки Элизабет? Или я снова говорю с Димой через образ этого красивого актёра?

— А не ты ли клялся в вечной любви? — это уже импровизация. Понятия не имею, говорил ли этот гад подобное своей жене. — Не ты ли обещал, что мы всегда будем вместе?

— Я не обязан перед тобой отчитываться! — фыркает Эридан и с грохотом захлопывает ящик.

Он злится. Но на что? Не может найти чашку? Или из-за моих слов?

Совершенно не к месту возникает идея. Глупая и бредовая, но... а что если сработает?

— Знаешь что? — говорю я, поворачиваясь к Эридану. — Если тебе так нужна эта чашка, я могу сделать новую. У меня в подвале есть печь для гончарного дела. Я собираюсь запустить производство, но мне нужна помощь. Если подсобишь, я сделаю тебе новую чашку. У меня достаточно опыта.

Господи, в голове это звучало лучше, чем сказанное вслух!

Эридан застывает посреди комнаты. Его взгляд становится почти безумным.

— Ты... — он запинается, и я вижу, как его пальцы начинают подёргиваться сильнее. — Думаешь, обычная глиняная чашка может заменить древний артефакт?

Перец спрыгивает с подоконника и бесшумно приближается к нам, его шерсть встаёт дыбом. Так... нужно сворачивать этот разговор, пока я не ляпнула ещё чего-то лишнего.

— Я сказала всё, что могла. Твоего артефакта у меня нет. Если ты не хочешь, чтобы я изготовила новую чашку, то уходи, Эридан.

Он стоит неподвижно, как статуя, глаза сощуренные. Выглядит так, будто получил тарелку гнилых фруктов в дорожном ресторане, и понимает, что ничего с этим не поделает.

Наконец он резко разворачивается и идёт к двери. На пороге останавливается, его силуэт чернеет в дверном проёме.

— Я узнаю правду, — его голос холодно. — И если ты причастна к исчезновению артефакта...

— До свидания, Эридан, — перебиваю я, чувствуя, как дрожат колени.

Когда его шаги стихают, а с первого этажа слышится хлопнувшая дверь, я медленно сползаю по стене на пол. Холодные доски приносят облегчение моему горящему телу. Ладонь пульсирует, словно живое существо. Рвётся к хозяину.

Перец тут же оказывается рядом, его тёплый бок прижимается к моему бедру.

— Ты отлично справилась, — мурлычет он тихо. — Но... эта чашка. Если я правильно понимаю, Эридан... не остановится, пока не заберёт её. Знаешь, где она?

— Что это за артефакт? — шепчу я, всё ещё глядя на проход к лестнице.

— Такие используют для нейтрализации побочных эффектов от магии, — в янтарных глазах кота отражается пламя свечи. — И судя по его виду, отсутствие чашки уже сказывается на нём. Ты заметила, как он держался? Как двигался? Пах?

Я поднимаю руку, едва разглядывая ладонь. Никаких видимых следов нет, но теперь я чувствую, что артефакт чего-то хочет.

— Перец, — я медленно выдыхаю. — Я знаю, где его чашка. Но не знаю, как её достать, и мне нужна помощь. Слушай...

Глава 15. Эридан Морнел

Дождь усиливается, и, когда я врываюсь в холл особняка, настроение достигает точки, в которой я готов поспорить с Рейниром за должность лариана гнева. Ярость клокочет внутри, и я с трудом сдерживаюсь, чтобы не разнести что-нибудь прямо сейчас.

Как она посмела? Как эта... жалкая пустышка осмелилась так разговаривать со мной? Я вытащил её из нищеты, поставил на ноги. Да она сапоги мои целовать должна, не пряча наслаждения.

Дракон внутри нервно бьёт хвостом — в минуты сильного волнения сложнее удерживать человеческую форму. Ещё немного, и сорвусь. Распахну крылья и ринусь в тучи, потягаться с ветром силой! Вот только...

Каждое обращение или выплеск магии — шаг в сторону порока. Если у тебя есть возможность снижать уровень воздействия, можно не беспокоиться и делать, что захочется, но в моём случае лучше не рисковать.

Приходится сделать несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться. От резкого движения в висках снова начинает пульсировать боль.

— Проклятье! — рычу я, срывая плащ и швыряя его на пол.

Унизительно. Мне, дракону и приближённому короля Лианора, пришлось тащиться в эту дыру на окраине города. Повезло ещё, что погода не располагала и людей на улицах не оказалось, иначе ближайшую неделю весь Лиангард судачил бы только об этом. Мой экипаж в такой помойке. Боги...

А главное, ради чего? Чтобы выслушивать её колкости?

Поднимаюсь по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Боль усиливается, перед глазами начинают плясать чёрные точки. Нужно найти чашку. Можно было бы перевернуть вверх дном её крысиное гнездо, но я не ощутил там магического отклика. Было что-то похожее, будто эхо. Возможно, дело в просыпающемся доме, люминесцентных кристаллах, которые она смогла разжечь, а может, Элизабет и вовсе прихватила что-то из дома, но всё это не важно. Потому как отклик явно не той силы, что должен быть у артефакта.

Такой сложно добыть. Вероятнее всего, он вообще единственный в своём роде. Любой напиток, принятый из него, избавляет от влияния порока, а значит, делает магов вроде меня фактически неуязвимыми. Я держал его в достаточно надёжном месте, куда просто не мог войти посторонний или кто-то, у кого не было прямого разрешения, а уж этих людей я проверял от и до.

Элизабет воспользовалась моим добродушием. Впрочем, я удивлён, что кто-то вроде неё смог понять ценность артефакта и украсть. Именно эту чашку.

И всё же в доме Элизабет она не ощущается. Кучер клянётся, что довёз бывшую жену без остановок. Значит, она либо успела передать её кому-то, либо артефакт всё ещё в доме. Но я же не идиот, чтобы не найти его там, где оставил. И где оставляю каждый раз.

Но хорошо. Допустим, я проверю ванную снова. Просто чтобы убедиться.

Как назло, в памяти, кроме мыслей о пропавшем артефакте, звучат обвинения, что я якобы обещал ей вечную любовь и преданность.

Пф! Что за бред?!

Пока на ней нет метки истинности, она для меня никто. Пустышка. Могу менять их хоть каждую неделю.

— Имею право, — хмыкаю под нос, распахивая дверь в ванную комнату. — Я дракон. Мы ищем истинную пару веками, если потребуется.

Начинаю методично обыскивать помещение, выдвигая ящики, проверяя каждый угол. Артефакт должен быть здесь. Должен!

И какая разница, сколько браков было до этого? Пока не появится метка истинности, все эти женщины временные. Элизабет должна быть благодарна уже за то, что я для неё сделал. А эта дрянь?

Возомнила о себе не пойми что, начала распространять грязные слухи. Так не пойдёт. Пусть радуется, что я просто её выгнал, а не казнил.

Но предательский внутренний голос нашёптывает: «Тогда почему злишься? Почему просто не забудешь?»

Вспылив, я захлопываю дверцу шкафчика громче, чем нужно. Внутри обиженно звякают флаконы с зельями.

— Эридан! — в дверях появляется встревоженная Никозлла. — Что происходит?

Я оборачиваюсь, и она отшатывается. Это отрезвляет, и я заставляю себя успокоиться.

— Ничего, — цежу сквозь зубы. — Просто ищу кое-что.

— Эту твою чашку? — она делает шаг вперёд. — Милый, может, хватит? Ты же справлялся и без неё раньше...

Что и требовалось доказать. Женщины глупые. Объясняй хоть сотню раз, они не запоминают. Всё, что их волнует — когда мы ходим в театр, сколько платьев и украшений я ей подарю. Такие мелочи, как порочные откаты — слишком сложная и непонятная тема, не оседающая ни в голове Никозллы, ни в голове Элизабет, ни в головах тех, кто был моими жёнами до них.

И всё же только одной хватило наглости забрать артефакт.

— Ты ничего не понимаешь, — качаю головой. — Уйди.

— Но зачем тебе вообще использовать магию? — в её голосе слышится упрёк. — Ты же дракон, у тебя своей силы достаточно...

— Уйди, Ника, — в моём голосе появляется рычание. — Поверь, ты точно не захочешь ощутить на себе последствия моего гнева.

— Я просто беспокоюсь о тебе! — она повышает голос. — Посмотри на себя! Ты же сам не свой!

— Да что ты говоришь?! — не сдерживаю злой усмешки я и делаю шаг к ней.

Повисшее в воздухе напряжение разрезает звук: что-то хрустит под ногой. Я медленно опускаю взгляд и хмурюсь. Неужели я потерял контроль и всё же разбил что-то, пока обыскивал ванную? Убираю ногу и опускаюсь на колено. На мраморной плитке лежит маленький осколок керамики, не больше половины ногтя. По спине проносится холодок, когда я узнаю магический узор.

Поднимаю его. В голове словно что-то щёлкает. Становится смешно.

— Эридан...

— Молчи, — я сжимаю осколок в кулаке.

Могла ли Элизабет не просто украсть, а разбить чашку? Она знала, что артефакт важен для меня. Продать его у неё всё равно мозгов бы не хватило, а вот уничтожить...

Она была подозрительно спокойна, когда я пришёл. Может, не она? Тронул кто-то из прислуги? Нет, эти вдохи лишние побоятся сделать, не то что навредить.

Выходит, всё же Элизабет. Других подозреваемых нет. Пора показать ей, что значит разозлить дракона.

Глава 16

— ...и тогда чашка просто... втянулась в мою руку, — дрожащими пальцами я показываю Перцу ладонь, где под тонкой кожей скрываются осколки древнего артефакта. — Я даже не успела ничего сделать! Они просто... исчезли внутри.

Кот подходит ближе, его усы подрагивают, когда он принюхивается к ладони. В янтарных глазах отражается странное свечение — или мне только кажется?

— Признаться, впервые слышу о подобном, — он осторожно касается лапой моей руки, и я вздрагиваю от неожиданности. — Хотя с попаданками вечно творится что-то непонятное. Может, это нормально.

— Нормально?! — мой голос срывается на писк, и я нервно смеюсь. — Перец, у меня в руке магический артефакт! Который, судя по словам Эридана, ему жизненно необходим! А ты говоришь — нормально?!

Паника накатывает волнами, к горлу подступает комок. Воспоминания о том, как искажилось от ярости лицо дракона, заставляют меня содрогнуться.

— Ну, может, и не жизненно, — кот потягивается, и это простое, домашнее движение немного успокаивает. — Но ситуация действительно сложная. И вряд ли мы решим её тут и так.

— Что предлагаешь? — поднимаю бровь. — Спать лечь?

— Именно. Давай закроем тут всё. Насколько получится. Дом пока не ожил. Не думаю, что грабители сунутся, но какая-нибудь собака — вполне, — шерсть на его загривке встаёт дыбом. — Ненавижу их.

Следующий час мы проводим, превращая дом в маленькую крепость. Я проверяю каждое окно, каждую щель. Руки дрожат, когда задвигаю тяжёлый комод к проходу, ведущему на первый этаж. Он скрипит по полу, оставляя царапины, но сейчас мне всё равно. Лишь бы создать хоть какую-то иллюзию безопасности.

— Ну что, идём в кабинет? — я отряхиваю ладони.

— Да. Будем надеяться, дом скоро проснётся.

— А что вообще это даст? Живой дом?

— Много чего. Некоторые вещи сильно упростят проживание здесь. По дому всегда видно, когда в нём кто-то обитает.

Из того, что мне рассказывает Перец, чувствуется, что это и правда полезно. Я сперва решила, что это в духе наших «умных домов», когда можно голосом включить свет, поставить чайник или запустить уборку, но оказалось, что тут плюсов даже больше. Похоже, что дом сможет проводить некоторый ремонт — косметический, я так понимаю. Вот это как песня для моих ушей, потому как у меня сейчас денег даже на еду нет, а на быт появятся ещё не скоро.

Хоть бы живой был...

Ночь тянется бесконечно. Каждый скрип половиц, каждый шорох ветра в кронах деревьев заставляет меня вздрагивать. В полудрёме постоянно чудятся шаги на первом этаже. И ладно бы бездомные или преступники. Это ведь может оказаться Эридан. Вдруг он уже догадался, что чашка у меня?

Я то и дело просыпаюсь, задыхаясь от кошмаров, но тёплый бок Перца рядом и его мерное мурлыканье словно якорь, удерживающий меня на грани паники.

Утро встречает меня золотистыми лучами солнца, пробивающимися сквозь мутное окно. В их свете ночные страхи кажутся немного преувеличенными. Оставляю кота спать, а сама иду умыться и занять себя бытовухой — надеюсь, рутина поможет справиться с тревогой, скребущейся где-то под рёбрами.

К счастью, за ночь ничего страшного не случилось: не прорвало и не развалилось. Думаю, сегодня я займусь уборкой на кухне и в кабинете, но это лучше отложить на вечер.

Оставив Перцу немного сыра на перекус, я жую бутерброд, с тоской вспоминая чай Лерты. Интересно, она уже проснулась? Будет ли великой наглостью заскочить к ней и напроситься выпить ещё горячего? У меня дома-то ничегошеньки нет. Ни крошки припасов...

Даже если и не пригласит, мне всё равно нужно отдать корзинку и, возможно, спросить её совета. Вдруг она знает место, в котором можно подработать. Я бы, конечно, очень хотела поскорее приступить к осмотру печи и попытке заработать своим старым увлечением, но нужно быть рациональной. Может, какие-то инструменты я и найду, и даже если мой дом окажется живым, а печь целой, на всё это потребуется время, а покушать мне нужно сегодня и завтра.

Решено. Сперва к соседке, спросить про работу и, если что-то есть, пойти туда и договориться. Потом сюда — проверить и, возможно, попытаться растопить гончарную печь. К вечеру уборку.

Собираю корзину Лерты, вещи Шона решаю пока оставить у себя. Было бы мыло — постирала бы, но это сейчас роскошь.

Спускаюсь на первый этаж, вернув комод на место, и задерживаю взгляд на витринах. Точно, подарок! Нужно выбрать что-то и подарить соседке. Уж посуда вряд ли будет лишней.

Перебираю чашки и пиалы, представляя, как Лерта будет пить из них чай. Пальцы скользят по прохладному фарфору, пока не находят настоящее сокровище — изящный чайник, расписанный нежными цветами сливы. Белоснежный фарфор кажется почти прозрачным на свету, тонкие линии росписи складываются в изысканный узор. Идеальный подарок!

Но стоит мне поднять чайник, как воздух вокруг словно наэлектризовывается. Из ладони вырываются крошечные искры — похожие на падающие звёзды, они кружат в причудливом танце, а затем впитываются в фарфор, словно капли дождя в сухую землю.

— Что за... — я едва не роняю чайник, сердце колотится как безумное. — Перец! Ты это видел? Перец!

Тишина звенит в ушах. Я бегу на второй этаж вместе с чайником, крышечка которого опасно звякает, но в спальне кота, как назло, нет. Охотиться убежал?

Дрожащими руками осматриваю чайник со всех сторон. Вроде ничего не изменилось — та же роспись, те же цветы, такой же тонкий изгиб ручки. Может, у меня уже начались галлюцинации от страха?

Намочив тряпку, тщательно мою чайник в раковине, вглядываясь в каждый миллиметр поверхности. Ничего необычного — фарфор, прохладный и гладкий под пальцами, с лёгким звоном отзывается на прикосновения.

«Может, померещилось, — думаю я, с сомнением оглядывая потенциальный подарок. — В конце концов, это же просто чайник. Он же не станет ядовитым, если заварить в нём чай?»

Перед глазами встаёт образ Лерты — её добрая улыбка, морщинки в уголках глаз, седые пряди в тёмных волосах. А рядом — её сын Шон, талантливый маг... Он вчера трубу мне починил, размахивая руками. Уж он-то сразу заметит, если что-то не так. Мне в любом случае нужно отнести чайник ему.

И всё же, стоя у двери с корзинкой и устроенным в ней подарком, я медлю. Солнечный свет играет на белой бумаге, и мне чудится, что она слегка мерцает.

Или нет? А что, если искры были настоящими? Вдруг я случайно наложила какое-то проклятие?

«Глупости, — одёргиваю себя. — Я даже не знаю, как это делается. И вообще, чайник выглядит совершенно нормальным».

Сделав глубокий вдох, открываю дверь и выхожу на улицу. По небу неторопливо плывут пушистые облака, похожие на взбитые сливки. Где-то заливаются птицы, ветер доносит запах сырости и прелых листьев. Никаких напоминаний о вчерашнем ливне, прохладно.

«Всё будет хорошо, — убеждаю себя, направляясь к дому Лерты. — Должно быть хорошо».

Но противный внутренний голос шепчет: «А если нет? Вдруг ты только что создала что-то опасное? Вдруг это может навредить единственному человеку, который помог тебе в этом мире?»

Сжимаю ручку корзины крепче. До дома Лерты всего-то улицу перейти, но почему-то кажется, что этот путь будет самым длинным в моей жизни.

Глава 17

Дверь распахивается прежде, чем я успеваю постучать, будто Лерта и правда караулила меня у окна. Её круглое лицо озаряет приветливая улыбка, в уголках глаз собираются добрые морщинки.

— А я думала, когда ты придёшь! Заходи скорее! — она отступает, пропуская меня в дом.

Перешагиваю порог, и меня окутывает уютный аромат свежей выпечки, корицы и травяного чая. В доме Лерты всегда пахнет чем-то вкусным. Она явно из тех женщин, что не могут усидеть без дела.

— Ну как ты на новом месте? — бросает она через плечо, ловко поднимаясь в основную часть дома и перепрыгивая тапочки, которые, видимо, дожидаются меня. — Шона уже нет — ушёл в лавку, как обычно. Проходи! У меня как раз булки уже готовы!

Ну ладно, раз приглашают, буду думать, что мне дозволено вести себя как дома.

Замечаю на столе недопитую чашку Шона и почему-то чувствую облегчение. После вчерашнего мне немного неловко встречаться с ним. Судя по поведению Лерты и тому, как беспечно она оставила меня без присмотра, он, видимо, то ли не сказал ей о том, что я «неподходящий вариант, и ничего у нас не выйдет», либо она проигнорировала слова сына.

— Это вам, — протягиваю корзинку, стараясь унять предательскую дрожь в руках. Бумага чуть шуршит. — Небольшое «спасибо» за вчерашнюю помощь. С одеждой и... со всем остальным.

— Милая, тебе не стоило. Я же по-соседски в первую очередь и... Ох! — Лерта раскрывает корзинку, и её глаза загораются детским восторгом при виде чайника. — Какая прелесть! Нет, ты только посмотри на роспись! Надо срочно его опробовать!

Киваю, пытаюсь скрыть беспокойство за улыбкой. В конце концов, лучше убедиться прямо сейчас, что с чайником всё в порядке, что никакого проклятия нет. К малодушию добавляется предательски сжавшийся желудок — ещё немного и исполнит оду голоду. Дома шкафы пусты, а в кошельке гуляет ветер. Булки, которые Лерта как раз выставила на стол, выглядят просто восхитительно.

Соседка, не подозревая ни о чём, отправляется сполоснуть и заварить чайник, напевая что-то себе под нос. Кажется, подарок пришёлся ей по нраву... Пышная фигура движется с удивительной грацией, руки так и летают между полками со специями и чайными банками.

— А ты слышала, что у булочника Марка дочка сбежала с подмастерьем кузнеца? — неожиданно делится она, понижая голос до шёпота. — Ах, да, ты же только приехала... Но там такой скандал! А ещё говорят...

Киваю в нужных местах, украдкой наблюдая за тем, как Лерта заваривает чай. Пока всё обычно — никаких искр, странного свечения или зловещего дыма. Чайник как чайник, разве что красивая ручная работа.

— А что там с твоим домом? — она ставит подарок на стол, и по кухне разносится аромат свежезаваренных трав. — Шон говорит, он не мёртвый?

Ох, не ляпнуть бы чего-то лишнего...

— Похоже на то, — отвечаю осторожно, разглядывая узор на скатерти. — Он... пока никак себя не проявляет. Но было бы здорово. Сами понимаете, одной с такой громадиной непросто будет.

— Это точно! — Лерта подаётся вперёд, глаза блестят от любопытства. — Знаешь, здесь тишина обычно. Ничего не происходит годами! А теперь такие события! И ты вернулась, и развалина эта к жизни возвращается.

В её голосе столько искреннего восхищения, что становится немного легче. Понимаю, что теперь сама стала главной темой местных сплетен. Впрочем, может, оно и к лучшему — по крайней мере, люди будут знать, что дом не просто заброшен.

А если я хочу открыть магазин посуды... Это можно использовать как какую-никакую рекламную кампанию.

Чай оказывается восхитительным, с нотками мяты и чабреца. От горячей кружки поднимается душистый пар, согревая озябшие пальцы. Мы пьем уже вторую чашку, и ничего странного не происходит. Напряжение понемногу отпускает меня.

— Красивый узор, — Лерта поворачивает чайник, любуясь росписью. Солнечные лучи играют на белом фарфоре.

— Однажды я начну делать такие же, — улыбаюсь я. — Хотела бы заняться этим, но сначала нужно найти работу...

— О! — Лерта хлопает в ладоши с таким энтузиазмом, что чашки звякают. — У меня есть подруга, у неё скоро будет праздник. Может, сделаешь такой же или похожий для меня? С чашками?

— Я боюсь сейчас сказать да. Нужно проверить печь, достать материалы...

— Я попрошу Шона помочь, — довольно улыбается Лерта. — Ну и заплачу, конечно. Не подумай. Знаю, монеты тебе сейчас не помешают.

Сердце пропускает удар. Первый заказ! Настоящий заказ в этом мире!

— Конечно! — улыбаюсь, чувствуя, как внутри разливается тепло. — С удовольствием!

— Вот и славно, — Лерта подливает ещё чаю, и комнату наполняет новая волна травяного аромата. — Шон зайдёт к тебе вечером.

Солнце заливает кухню медовым светом, пылинки танцуют в золотистых лучах. В саду щебечут птицы, а я наконец чувствую, что всё может наладиться.

Даже если у меня проблемы с мужиком, которому только повод дай обвинить меня во всех грехах, даже если в руке застряли осколки волшебной чашки, кажется, жизнь обретает какие-то понятные детали.

Делаю глоток чая, наслаждаясь его вкусом и теплом. На душе становится спокойно и легко, будто кто-то снял с плеч тяжёлый груз. Может быть, эта новая жизнь окажется не такой уж плохой? Может быть, я действительно смогу здесь прижиться?

Пирог тает во рту, солнце греет спину, а Лерта уже рассказывает новую историю о кошке, родившей котят в сапогах одного из её соседей. Я слушаю её мелодичный голос, но думаю о том, что пока отложу вопрос поиска работы и ринусь на наведение порядка.

Нужно успеть выяснить, что мне понадобится, до возвращения Шона. Только новая глина или ещё какие-то инструменты. Ну и печь проверить, конечно же.

В этот момент я даже не догадываюсь, к чему всё это приведёт.

Глава 18

Дом встречает меня прохладной тишиной. Перец обнаруживается в торговом зале — развалился на витрине и грелся в солнечных лучах.

— Наелась? — он приоткрывает один глаз. — А я уж думал, не украл ли тебя дракон.

— Пф, сдалась я ему! — фыркаю, прикрывая входную дверь. — Он, скорее, убьёт меня здесь же, это ты сразу увидишь. Не суть! Слушай...

Рассказываю ему про визит к Лерте, про чайник и неожиданный заказ, стараясь не упустить ни одной детали. Кот слушает внимательно, его хвостик подёргивается.

— Нужно будет присматривать за ней, — заключает он наконец. — Мало ли что может случиться с зачарованной посудой.

— Думаешь, я всё же прокляла его?

— Не знаю. Но вряд ли осторожность будет лишней.

— Её сын Шон сможет как-то помочь? Он же маг.

— Сложно сказать. Если что-то случится, не вздумай признаваться про магию и искры.

— Но... почему? Вдруг это поможет всё исправить?

— Скорее, приведёт тебя в лапы Эридана, а уже он отправит на виселицу, — хмыкает Перец. — Прекращай. Ты попаданка, нужно быть осторожной, если не хочешь второй раз умереть.

Я складываю руки на груди. Перспективы, конечно, так себе, но я решаю, что, если с Лертой и правда что-то случится, я всё же признаюсь. Не должна она страдать за мои косяки.

— И с Шоном поддерживай отношения, — советует Перец. — С магами дружить полезно. Особенно если дом не проснётся.

Рассеянно киваю, разглядывая пыльную лестницу в подвал. Что ж, пора заняться делом. Осмотрю печь и попробую разжечь её, чтобы понять, насколько всё плохо и плохо ли. Потом уберусь в мастерской. Для работы всегда порядок нужен, чтобы всё было под рукой и ничего не мешало.

Спускаюсь по скрипучим ступеням, Перец следует за мной, покачивая хвостом. Мне кажется, или он выглядит ощутимо лучше со вчерашнего вечера? Шерсть будто блестящей стала... это от мяса ворованного?

В подвале прохладно и сумрачно, сквозь маленькие окошки под потолком пробиваются косые лучи света. Пахнет глиной, древесной золой и чем-то неуловимо волшебным — может быть, отголосками старой магии?

Печь занимает почти треть помещения — массивная, с толстыми кирпичными стенами и чугунной дверцей. Провожу рукой по шершавой поверхности, стирая пыль.

— С чего начнём? — Перец устраивается на верстаке, наблюдая за мной.

Сперва я обхожу печь кругом, высматривая трещины, сколы и любые другие повреждения. Замечаю в углу метлу и вооружаюсь ей, чтобы смахнуть со стенок паутину и заодно проверить надёжность.

Что ж, с виду всё хорошо, но расслабляться пока рано.

— Подождём? — спрашивает кот. Кажется, ему не терпится.

— Сначала нужно проверить тягу, — усмехаюсь я, вынимая сломанные черепки и сдвигая в сторону золу. — Ну и убрать всё это.

Я беру совок и начинаю аккуратно вычищать жерло, в котором скопилось немало всего за годы простоя. Приходится быть осторожной, чтобы не повредить внутренние стенки печи.

Затем проверяю механизм открытия и закрытия дверцы, чтобы избежать утечек тепла и, конечно, появления дефектов на изделиях. Вроде всё в порядке, но... точнее смогу понять, только когда огонь разожгу.

Перец уже дважды умылся, погонял по полу комочек сухой травы и откровенно скучал, потому как заняться ему здесь было нечем. Некоторое время он заглядывал в печь вместе со мной, но ничего интересного там не нашёл и снова пристал с разговорами:

— А магазин как назовёшь? Если всё получится?

Зависаю на некоторое время. Вот сейчас вообще как-то не до этого:

— «Волшебная посуда»? Нет, слишком прямолинейно... Да и не факт, что она и правда волшебная.

— «У Элизабет»? — предлагает Перец.

— Может, «Чайная фея»? Или «Фарфоровые чудеса»?

— Звучит как-то глупо.

Мечтаем вслух, пока я заканчиваю уборку, собирая весь мусор в пустые ящики. Представляю, как здесь будет уютно, когда у меня появятся деньги. Можно будет разделить подвал на разные рабочие зоны, поставить стеллажи для готовых изделий и просушки, повесить полки...

Наконец печь готова к первой растопке. Собираю щепки и обломки старой мебели и ящиков, складываю внутри. С огнивом мне помогает Перец, потому как я с подобными вещами дел пока не имела, но оказывается, что ничего сложного в этом нет. Почти как спички. Пламя занимается легко, словно только и ждало этого момента.

И вдруг подвал вздрагивает. По полу проносится ветерок, напоминающий одновременно вздох и сквозняк. Я отскакиваю от печи, не понимая, что мне делать. В голову, конечно, сразу лезут мысли, что сейчас дом на меня рухнет, и выбраться я не смогу.

«Наконец-то! — голос звучит прямо в голове, тёплый и глубокий, как само пламя. — Я уж думала, ты никогда не решишься!»

Не думала о том, что мне пора в психушку! Мне и своих мыслей бывает многовато, а теперь голосов в голове слишком много!

Вскрикиваю от неожиданности, роняя огниво, которое укатывается куда-то к ящикам с золой и черепками.

— Что? Кто это? — оглядываюсь по сторонам, но в подвале только мы с Перцем.

«Кто-кто... Дом я твой, кто же ещё? А печь — моё сердце. Как же долго я спала...»

Перец подсказывает, шерсть встаёт дыбом:

— Ты это слышала?

Киваю, не в силах произнести ни слова. В горячей печи что-то потрескивает, и, мне кажется, или это похоже на смех?

«Не бойтесь, — голос становится мягче. — Я не причиню вреда. Просто... соскучилась по теплу и работе. У тебя такие интересные планы, девочка...»

Пламя в печи разгорается ярче, отбрасывая причудливые тени на стены. Жар опалает щёки, но не обжигает.

— Печь была твоим сердцем? — сама не знаю, с чего взяла, но, произнеся вслух, это вдруг кажется очень правильным.

«Да. И хорошо, что ты поняла, Лиза, — сразу раскусывает меня дом. Её голос становится не таким скрипящим и обретает более «женские» черты. — Потому что тебе нужна помощь».

— Это точно, — всё ещё немного растерянно киваю я. — Я хочу постараться восстановить тебя. Открыть магазин и, возможно, запустить производство посуды ручной работы. Сможешь мне как-то помочь? Что ты вообще умеешь?

«В этом состоянии — почти ничего, — грустно отвечает дом. — Я спала слишком долго и не смогу сама восстановиться».

— Ничего, — улыбаюсь я, прикрывая заслонку. — Вместе всё решим! Я вижу, что печь, кажется, в полном порядке. Это значит, что мне нужно достать материалы — глину в первую очередь.

— С этим тебе могу помочь я, — неожиданно вмешивается Перец, поднимаясь на лапы.
— Туши огонь, и пойдём. Покажу одно место. Скажешь, подойдёт ли тебе.

Глава 19

Перец уверенно ведёт меня по узким улочкам, его хвост гордо поднят, словно флажок. Я следую за ним, впитывая каждую деталь окружающего пейзажа, и сердце сжимается от увиденного.

Брусчатка тут всё же имеется, но в таком ужасном состоянии, что можно подумать, что её нет. Между камнями пробивается трава, а в некоторых местах образовались настоящие ямы, заполненные мутной водой после недавнего дождя. Дома жмутся друг к другу, словно пытаясь согреться — обшарпанные стены, покосившиеся ставни, залатанные крыши. На верёвках прямо над улицей сушится бельё, местами такое ветхое, что кажется прозрачным. Тоже так себе, конечно...

У моей идеи создать магазин и заманивать в него приличных и обеспеченных горожан есть ряд независящих от меня и моего живого дома трудностей.

— Здесь живут в основном ремесленники, — поясняет Перец, ловко перепрыгивая лужу. — Справа — кузница Мартина, дальше — мастерская сапожника...

Замечаю группку детей, играющих у стены. Они босые, в застиранной одежде, но смеются так заразительно, что невольно улыбаюсь. Девочка лет пяти с растрёпанными косичками показывает на Перца пальцем, и вся компания с восторженными возгласами поворачивается к нам. Хихикают, но держатся на почтительном расстоянии.

Мы идём дальше, и я погружаюсь в невесёлые мысли. Как можно рассчитывать на прибыль в районе, где люди едва сводят концы с концами? Не знаю, что тут с недвижимостью, но видно, что дома когда-то были добротными. Просто теперь они такие старые, что от бывшего величия и следа не осталось. Прямо как мой... И вижу, что когда-то здесь жили... ну, пусть не богачи, но средний класс точно.

Что же случилось?

— О чём задумалась? — Перец запрыгивает на низкую ограду, идёт по ней, балансируя хвостом.

— Может, стоит сразу нацелиться на богатых клиентов? — делюсь сомнениями. — Если получится их заинтересовать, они не только купят посуду, но и дороги отремонтируют, чтобы удобнее было добираться. Глядишь, и район оживёт...

— И как ты хочешь их заманивать? — кот склоняет голову набок. — В такую глушь?

— Нужно что-то особенное... — бормочу задумчиво. — Что-то, чего они не найдут в столичных лавках. Может, сделать несколько необычных вещей? Скажи, а магии можно обучиться?

— И не мечтай. Женщины не могут...

— Но я попаданка. Сам говорил, что со мной всё неочевидно.

— Последствий хочешь? Как ты объяснишь магическую посуду?

— Шона в долю возьму. Представь только, чайник, который сам подогревает воду до нужной температуры! — я активно жестикулирую, схватившись за идею. — Или чашку, которая меняет цвет в зависимости от настроения...

Мы выходим на небольшую площадь. Здесь немного оживлённее — работает рынок, пахнет свежей выпечкой из пекарни на углу. Торговцы громко расхваливают товар, но покупателей немного. У прилавка с овощами пожилая женщина долго пересчитывает медяки, прежде чем купить несколько морковок.

— А знаешь, — Перец спрыгивает с ограды, — может, начать с чего-то среднего? Сделать попроще — для местных, а параллельно работать над особыми вещами для богатых клиентов? Тогда и соседи не будут чувствовать себя обделёнными, и на жизнь хватит...

Киваю, обдумывая его слова. В конце концов, всем нужна красивая посуда. Да и мне легче.

Рынок заканчивается раньше, чем я ожидала. Ещё пара домов, и окраина города незаметно переходит в лесистый склон. Тропинка, петляя между деревьями, уводит нас всё выше и выше. Перец то забегает вперёд, то возвращается, проверяя, не отстала ли я.

— Не торопись так, — выдыхаю я, переводя дух. — Не все такие ловкие, как ты.

Подъём довольно крутой, но воздух здесь совсем другой — чистый, напоенный хвоей и прелой листвой. И дорога лучше, что удивительно. Впрочем, сюда явно меньше народа ходит, вот она и не настолько истоптана. Ветер шумит в кронах деревьев, где-то стучит дятел.

Пытаюсь вспомнить, когда я последний раз была на природе... Будто целую вечность назад. Красиво. Здесь прохладнее, чем в городе, но всё такое зелёньё, хоть и осень уже.

Чувствую себя так, словно проснулась от долгого сна.

— Смотри под ноги, — советует Перец, перепрыгивая через поваленный ствол. — Здесь полно корней.

Киваю, осторожно переступая через замшелое дерево. Из-под ног то и дело выскакивают юркие ящерицы, в кустах мелькают птицы. Лес живёт своей жизнью, как будто и нет рядом города.

— Сюда, — Перец сворачивает с тропинки. — Я случайно наткнулся на это место, когда исследовал окрестности и охотился.

Вот как... Значит, тут он добывает основную часть своей еды?

Ещё несколько шагов — и мы выходим к старому карьёру. Склоны его поросли травой и кустарником, но местами видны обнажения породы. А главное — глина! Светло-серая, выходит на поверхность широкой полосой.

— Перец! — восторженно восклицаю я, опускаясь на колени и погружая пальцы в прохладную массу. — Да это же именно то, что нужно! Такая чистая, без примесей...

Разминаю комок в руках. Нужно опробовать её, но, судя по ощущениям, форму будет держать превосходно! Не удивлюсь, если именно из неё и делали посуду в моей лавке. Она должна быть идеальна для гончарного дела! Такой материал в городе стоил бы немалых денег, а здесь... Просто лежит. Бери, сколько нужно.

— Вот же я глупая, — я оглядываюсь. — Ни мешка, ни даже корзинки не взяла. Надо было сразу подумать!

— Может, из коры что-нибудь соорудить? О, смотри — яблони!

Подхожу к куту. Действительно, заросли вокруг карьера образуют несколько яблонь. Плоды некрупные, но налитые румянцем, и их много.

— Надо будет обязательно вернуться сюда с большой корзиной, — говорю, собирая несколько яблок в подол юбки. — И вообще, тут столько всего полезного! Может, ягоды какие найдём? Малину, чернику. Или грибы. Только я в них не очень понимаю... И древесины для печки достаточно — вон сколько сухостоя.

— Только далековато всё это таскать, — практично замечает Перец. — Особенно глину — она же тяжёлая.

— Может, тележку какую-нибудь раздобыть? — размышляю вслух. — Или договориться с кем-нибудь из местных? Должны же здесь быть люди с повозками...

— Сначала дом в порядок приведи, — советует кот. — А там и транспортный вопрос решим. Давай возвращаться, холодает.

Киваю, в последний раз оглядывая карьер. Такая удача! Пусть пока не всё продумано, но главное — материал есть, причём отличного качества. А способ доставки... что ж, это уже решаемая проблема.

Мне удаётся соорудить пару свёртков для глины из крупных лопухов. Идти назад с пустыми руками было бы преступлением, так что я взяла немного на пробу. Нужно провести

тесты и попытаться изготовить что-нибудь, просто чтобы руки вспомнили, как оно. Ну и глину оценить — скорее всего, это будет мой основной материал.

Обратный путь кажется короче, хоть и приходится тащить свёртки — то ещё удовольствие. Яблоки оттягивают карман, под ногами шуршит листва... Я улыбаюсь своим мыслям — кажется, жизнь потихоньку налаживается.

Глава 20

Едва переступив порог дома, спешу в мастерскую. Руки дрожат от нетерпения, пока раскладываю принесённую глину на старом верстаке. Перец устраивается на подоконнике, наблюдая за моими приготовлениями с видом знатока.

— Дом, ты не против, если я немного поработаю? — спрашиваю я, и перекрытия, удерживающие первый этаж надо мной, чуть поскрипывают в знак согласия.

Возможно, я привыкла или просто слишком сосредоточилась на предстоящей задаче, но сейчас дом уже не кажется таким пустым и заброшенным. Я отмечаю, что светильники на стенах пусть тускло, но оживают, когда я прохожу мимо. Никогда бы не подумала, что простое наличие света может так сильно повлиять на восприятие. Но приятно. Уже нет ощущения, что я просто забралась в пустой дом как бездомная или наркоманка.

Вот сейчас разживусь ещё деньгами, смогу его в порядок привести. Мусор вымету, окна заменю, и будет как новенький!

Нужно подготовить рабочее место. Так, что там у нас в мастерской первым делом было?

Пошарив по ящикам, я нахожу чистое полотно и расстилаю его на верстаке. Собираю волосы в тугий пучок, закатываю рукава. Старый фартук, найденный на вешалке у стены, пахнет пылью, но он чистый и крепкий — сойдёт для работы. Мне ли выделяться, собственно?

В мастерской тоже имеется раковина. Когда я подкачиваю кран, чтобы наполнить водой кувшин, то... понимаю, что облажалась.

Прямо сейчас ничего я не сделаю. Это дома, когда я баловалась «кручением», материал был готовый — бери да лепи. Здесь условия у меня почти спартанские, дикие. Придётся напрягать извилины и вспоминать, что нам мимоходом рассказывали о подготовке. А ещё придумывать, как воплотить в жизнь привычные удобства.

В крайнем случае буду плакаться Шону, чтобы помог магией.

Если я просто смочу собранные куски водой, я не получу нужный для работы материал. Об этом стоило подумать ещё там, на карьере, но я отчего-то сразу решила, что все берут там глину, и вот...

Ладно, не буду расстраиваться раньше времени. Тем более что от моей печали проблемы точно не решатся.

Займёмся подготовкой глины. Раскладываю добытое на полотне и осматриваю. В пыль не осыпается, отлично. Откалываю кусочек и макаю его в кувшин, чтобы после растереть между пальцами.

«Это хорошая глина, — подтверждает мои выводы голос дома. — Изделия получаются изящными и тонкими».

«Верю, — улыбаюсь я, перекладывая глину в миску. — Вот только... на изготовление и так уходит много времени. Боюсь не успеть подготовить заказ для Лерты. Нужно будет уточнить, когда это «скоро» наступит».

«Не волнуйся, — если бы дом мог улыбаться, мне кажется, он или, скорее, она сейчас делала бы именно это. — На ускорение сушки сил у меня хватит».

— Что?

— Эти стеллажи зачарованы, — объясняет Перец, который, по всей видимости, тоже слышит наш мысленный разговор. — На них сушка занимает меньше времени, чем без них.

— Сколько? — голос скатывается в писк.

«Сейчас два-три дня, — отвечает дом. — Лишь бы сил хватило».

Обалдеть. Мы выдерживали изделия пару недель, чтобы глина отдала всю влагу, а тут... Поразительно. Если эти волшебные стеллажи и правда справятся с этим, я смогу запустить магазин куда быстрее!

Чёрт. Уже можно продумывать дизайн и линейку изделий!

Но я снова забегаю вперёд. То, что глина будет сохнуть перед обжигом меньше времени — прекрасно, я больше чем вдвое сокращаю время на изготовление, но, кроме всего этого, всё равно есть необходимые этапы.

Глину, которую я не купила в магазине, нужно почистить. Даже если повезёт, и я смогу что-то вытянуть, примеси либо приведут к дефектам, либо взорвут мой чайник на обжиге...

М-да.

Задумчиво смотрю на свои руки. Очень хотелось бы, конечно, чтобы искорки сейчас слетели с моих пальцев и волшебным образом превратили глину в готовый материал, всё же я никогда не занималась процессом настолько глубоко, но... Ладно.

Будем проходить все этапы, так сказать, олдскульно. И никто не сможет заявить, что я не вложила в свою работу душу. Сама сходила за глиной, припёрла её домой, замочила, просеяла, высушила, слепила, расписала и обожгла.

Благо я ещё примерно помню основы основ. Тут ничего сложного на самом деле.

Закатываю рукава, перекладываю глину в большую миску и заливаю водой. Потом беру инструмент, немного напоминающий толкушку для пюре, и разбиваю все комки, стараясь превратить глину в однородную массу. На поверхности воды тут же появляются веточки, крошки сухих листьев и другой мусор, который я убираю по возможности.

Вот. А оказалось бы оно стенке чайника — сгорело бы в печи и всё испортило. Мну глину в руках, оценивая её структуру. Она отзывается на каждое движение, словно живая. Добавляю немного воды из кувшина, продолжаю разминать. Нужно добиться идеальной пластичности — не слишком жидкой, но и не слишком твёрдой.

— Ты уже знаешь, что будешь делать? — интересуется Перец, постукивая хвостом.

— Чайник, — отвечаю, не прекращая работы. — С ирисами. Хочу, чтобы они были объёмными, будто вот-вот распустятся...

Дом тихонько вздыхает — ему, кажется, нравится идея. Пока руки заняты подготовкой глины, мысленно представляю будущее изделие. Изящный носик, крышечка как бутон, а по бокам будут цветы.

— Что ж, — накрываю миску с глиной тканью. — Теперь нужно подождать, чтобы она вымокла как следует, завтра будем просеивать и сушить.

Снимаю фартук и мою руки. Вымазалась вся, но довольна как слон. Глина — волшебный материал. Не зря любят упоминать, что, работая с ним, ты касаешься всех стихий.

Я в эту мистику, конечно, не особо верю, мне просто нравится процесс, в котором отдыхаешь душой и телом.

— Пойду приберусь наверху, — вспоминаю я, вытирая руки. — Шон обещал зайти. Надеюсь, не забудет... Надо попросить его проверить ещё и стеллажи.

Поднимаюсь по лестнице на первый этаж и слышу стук в дверь, который заставляет меня вздрогнуть. Перец, который пошёл со мной, поднимает голову:

— Это не Шон, — говорит он напряжённо.

Каким-то шестым чувством я тоже это понимаю. Выходить в торговый зал страшно.

Может, Эридан припёрся? Решил ещё в чём-нибудь меня обвинить?

Разозлившись, иду к двери и бездумно распахиваю её, тут же пожалев о своей беспечности. На пороге стоит крупный мужчина в потрёпанной рабочей одежде. Я его не знаю — надеюсь, не какой-нибудь старый знакомый Элизабет.

От него пахнет опасностью и чем-то кислым. Взгляд мелких, глубоко посаженных глаз стреляет по залу над моей головой. Что-то в нём заставляет меня напрячься.

— Так, значит, это правда, — он делает шаг вперёд, и доски пола под его ногой угрожающе скрипят. — В этой развалюхе и правда кто-то поселился. Как ты пробил защитную магию, а?

Глава 21

Не дожидаясь ответа, он проходит внутрь. Двигается он плавно, почти бесшумно, несмотря на внушительные размеры. Так ходят хищники. Или воры.

Перец выскальзывает из-под витрины и замирает у моих ног, напряжённый как струна. Это трогательно, как он воинственно распушает хвост, но все мы понимаем, что молодой кот вряд ли сможет что-то противопоставить взрослому мужику. Если только не умеет превращаться в тигра.

«Не умею», — тут же отвечает он в мыслях.

А жаль.

— Смотрю, уже обосновалась, — незнакомец медленно обводит взглядом зал.

Не сказала бы... Здесь стало почище с момента моего появления, но работы ещё много.

— Интересно, интересно... А по чьему позволению?

— Я... это мой дом, — стараюсь, чтобы голос звучал спокойно. — Вернее, мужа. Приданое. Он отправил меня сюда... в наказание.

Чувствую, как Перец слегка царапает мою щиколотку — видимо, одобряет выбранную тактику.

Мужик явно не с добрыми намерениями пожаловал. Я не настолько везучая, чтобы кто-то из соседей решил предложить помощь в наведении порядка. Если узнает, что у меня планируется магазин, почти наверняка предложит «крышу» — ну его!

— Вот как? — мужчина приподнимает бровь. — И чем же ты провинилась?

— Это... личное, — опускаю глаза, изображая смущение. — Эридан считает, что немного одиночества пойдёт мне на пользу. Научит... послушанию.

— И как? Помогает? — он обводит взглядом комнату.

— Это нужно у него спросить, — пожимаю плечами. — Я вот... Пытаюсь привести дом в порядок. Чтобы муж, когда вернётся, увидел, что я исправилась.

— И надолго ты здесь? — в его голосе проскальзывает что-то хищное.

Какой опасный вопрос... Что-то мне подсказывает, что это может закончиться не очень хорошо. Лишь бы не завалился ко мне в компании друзей...

— Не знаю, — вздыхаю печально. — Это мужу решать. Я очень надеюсь, что он приедет ко мне уже сегодня, ведь я всё-всё осознала!

Леща себе хочется дать за такое заявление, но в сложившихся обстоятельствах я буду прикрываться именем Эридана. Он какой-то важный хрен, это должно отпугнуть бандитов, да?

Незванный гость тем временем прохаживается по залу, явно прикидывая что-то в уме. Я стою, теребя край фартука, старательно изображая растерянность и лёгкий испуг.

Блин, что делать-то? Я понимаю, что, даже если сюда зайдёт Шон, он этому громиле ничего не сможет сделать. Да и незачем ему. В конце концов, у нас с ним френд-зона, которую он же и повесил, на рыцарство рассчитывать не приходится.

— А муж часто навещает? — как бы между прочим интересуется незнакомец.

— Я здесь только второй день, — качаю головой. — Он же наказывает меня. Сказал, что придёт, когда сочтёт нужным и остынет. Надеюсь, это случится сегодня.

Мужчина останавливается у окна, смотрит на улицу. Я замечаю, как его взгляд цепко отмечает каждую деталь — расстояние до соседних домов, высоту забора...

— Что ж, — наконец произносит он, поворачиваясь ко мне. — Не буду мешать. Приятно было познакомиться...

Ты даже не представился! Впрочем, я тоже. И ладненько.

— Взаимно, — вру я с фальшивой улыбкой. — Простите, что не могу предложить чаю — ещё не успела обустроиться как следует...

— В следующий раз, — незнакомец улыбается, но глаза остаются холодными. — Я ещё загляну... проведать тебя. Чтобы без мужа не заскучала.

Дура! Вот зачем я играю в гостеприимность? Впрочем, он, похоже, и без этого собирался завалиться. Чёрт... Нужно что-то придумать. Не нужен он мне тут!

Провожая незнакомца до двери, стараясь не показывать облегчения. Только когда мужчина покидает территорию, позволяю себе выдохнуть.

— Дом, — шепчу я, прислоняясь к стене, — кажется, у нас проблемы...

Половицы тревожно поскрипывают в ответ. Перец трётся о мои ноги:

— Ты правильно сделала, что прикинулась глупышкой. Но он вернётся. Обязательно вернётся...

Киваю, чувствуя, как дрожат руки. Я не удивлена, что этот район не так прост, как казалось на первый взгляд. Но всё же надеялась встретиться с суровой действительностью немного позже. И мне срочно нужно придумать, как защитить себя и свой дом от непрошенных гостей.

— Может, собаку завести?

— Ну уж нет! — рявкает Перец. — Он явно вернётся раньше. Да и кормить её чем? У самих едва...

Я встаю и решаю обойти дом, чтобы посчитать все входы и выходы. Окна старые, но у них есть ставни — уже хорошо. Задняя дверь держится на честном слове, её нужно укрепить в первую очередь.

— Дом, — обращаюсь я к стенам, — ты же сможешь немного мне помочь?

Половицы отзываются тёплым поскрипыванием. Достая найденный в кладовке ящик с инструментами — здесь есть всё необходимое для мелкого ремонта.

— Так, начнём с простого, — говорю сама себе.

Следующий час уходит на то, чтобы установить крепкие металлические упоры для деревянной балки. Их я ставлю на двери кабинета и ванной. Теперь их не откроешь простым толчком.

— А что до двери будет? — интересуется Перец, наблюдая за моей работой.

— Сейчас займусь, — вытираю пот со лба. — Смотри, что придумала...

Наша лестница прямая и длинная. Над её серединой я собираюсь вешать крючки, а над ними пару вёдер, которые набиваю обломками черепков и глины.

— Захочет подняться посторонний: дёрну за верёвочку и оглушу.

— Неплохо, — одобряет кот.

Пока я возилась со всем этим безобразием, небо за окном темнеет. Шона нет... Может, сходить к Лерте? Рассказать новости? Да и предупредить, что у меня небезопасно. О таком лучше сказать...

Но прежде чем я успеваю выйти из дома, в дверь снова начинают колотить. Мне сегодня везёт на гостей. Кто-то из них её доломает. Я уже собираюсь сделать вид, что меня нет дома, но тут слышу:

— Элизабет! Шон здесь?

Это соседка.

— Н-нет. А что случилось?

— Он пропал!

Глава 22

Открываю дверь и отшатываюсь — соседка врывается в дом как ураган. Её обычно аккуратно уложенные волосы растрёпаны, глаза красные от слёз.

— Шон пропал! — выпаливает она, хватая меня за руки. — Мой мальчик... Он не вернулся с работы!

Холодок пробегает по спине. Только что ушедший незнакомец встаёт перед глазами как живой.

— Может... он у друзей? — пытаюсь успокоить женщину, но голос предательски дрожит. — Заболтался с кем-то после работы, вот и...

Боже, что я несу! Это Шон-то? Вообще не в его стиле.

— Нет-нет, — Лерта качает головой, по щекам катятся слёзы. — Шон всегда приходит домой в одно и то же время. Он не мог, просто не мог нигде задержаться. Я чувствую, что-то случилось.

— Ну, всё бывает в первый раз?

Лерта хватается меня за руки.

— Ты не понимаешь! Он ушёл куда-то во время обеда. Шон никогда так не делает! Пошёл куда-то, и это привело к беде!

А вот точно тревожный звоночек.

— Тише, — я глажу разрыдавшуюся женщину по спине. — Мы его найдём.

Дура, что я, блин, такое несу? У меня тоже волнение, похоже. Я в этом мире всего ничего, а уже вообразила, что смогу город перевернуть?

И всё же сидеть мышкой я не могу. Шон здорово помог мне с домом и остальным, я должна что-то сделать, чтобы выручить его!

— Он же собирался к тебе зайти, помочь с печью... — плачет Лерта. — Знаешь, дорогая, думаю, я погорячилась. Не могу я отдать тебе сына-а-а... Он ещё не готов к отношениям.

О, господи... Мне кажется, не готова здесь только ты, ну да ладно, это не моё дело.

Что ж, я рада, что теперь со всех сторон меня прикрыли ленточкой френд-зоны. Целее будут, учитывая то, какой ненормальный у меня муженёк.

— Как вы узнали, что он пропал?

— Сын моей знакомой сказал ей, — качает головой женщина. — Я думала, может, обознался он, но нет. Когда Шон не вернулся, я сразу поняла, что всё плохо.

— А сын её откуда узнал?

— Вернулся раньше, плохо себя чувствует. Вот и рассказал! А я у неё была днём!

В голову лезут разные мысли, начиная с того, что Шон мог внезапно взбунтовать и отправиться в загул, и заканчивая реальными неприятностями в лице муженька, который подстерг его, выходящего из моего дома, и решил, что ненужная жена уже водит мужиков.

— Мы можем поговорить с этим парнем?

— Думаю, да, — Лерта вытирает слёзы.

— Тогда идёмте!

Спешим по узким улочкам к дому Тима — того парня с работы Шона. Идти, к счастью, недалеко.

Хозяин открывает не сразу. Живёт он в небольшой квартире: сразу за входной дверью начинается кухня, в дальней части видно закрытые комнаты. Наверно, спальня и ванная. Парень бледный и взмокший, он морщится и прижимает руку к животу.

— Тимочка, прости за вторжение, — начинает Лерта, но тот уже машет, приглашая войти.

— Мать уже сказала. Значит, он всё же не вернулся? Я как раз хотел зайти к вам, — говорит он, опускаясь на стул. — Как только полегчает... Странно это всё.

Его маленькая комната пропахла травяным отваром. На столе — пустая чашка и смятые листы. Мы с Лертой переглядываемся, не зная, с чего начать.

— Расскажи, что сегодня было, — наконец просит Лерта. — Всё, что помнишь. Даже мелочи.

— Да обычный день, в общем-то, — Тим трёт лоб. — Разгружали партию материалов, потом обедали... А, точно! — он щёлкает пальцами. — Парни новое место обсуждали. «Красная луна» называется, бар какой-то. Говорят, танцы там особенные... Шон вроде заинтересовался.

Лерта бледнеет:

— Танцы? Что за танцы?! Мой Шон таким не интересуется!

— Да я сам удивился, — Тим снова морщится от боли. — Парни хотели выяснить, где это. Может, Шон с ними пошёл?

— Абсурд! Мой мальчик никогда бы!.. — вскидывает руки Лерта.

— Тише, — успокаиваю я. — Нам нужно проверить все версии.

Она кивает, сжимая мою ладонь.

— Как думаешь, Шон мог пойти туда?

— Кто знает, возможно, — пожимаю плечами. — Думаю, вам стоит подождать хотя бы до утра, а потом позвать стражу.

— Что?! А если он там лежит? Раненый? Или того хуже?!

Ага, лишённый девственности.

Мне стоит больших усилий не засмеяться, но, глянув на Тима, я понимаю, что он думает о том же. Вот только парень может спрятать улыбку за большим животом.

— Или он просто решил повеселиться. Уверена, если он пошёл с другими рабочими, в обиду его никто не даст, верно ведь?

Тим с готовностью поддакивает:

— Да. У него хорошие отношения с ребятами. Они бы его не бросили.

— Нужно пойти туда и спасти его!

— Не думаю, что это хорошая мысль. Что мы, две женщины, можем сделать, даже если окажемся там и увидим, что он в беде? — пытаюсь убедить я. — А стражники ничего не будут делать, потому что прошло слишком мало времени. Пойдём домой и... просто подождём его?

— Как ты можешь... это же мой сын!

— Обещаю, я пойду искать его вместе с вами, — заверяю я. — Но, если он правда пошёл с друзьями отдохнуть, не нужно сразу бросаться это пресекать... Шон взрослый, может сам решить отдохнуть.

— Но он не предупредил! Я знаю своего сына!

— У него могли измениться планы. К тому же не забывайте, Шон — маг. Если что-то пойдёт не так, он сможет себя защитить.

Как ни странно, эти слова действуют на неё. Лицо неожиданно проясняется, истерика отступает.

— Точно. Он маг и, если что, сможет себя защитить!

— Именно.

— Он такой талантливый! Я ему всегда говорила! — распаляется Лерта. — Да Шон даже ларианом мог бы стать, обойдя всех этих драконов!

Что-то куда-то не туда нас несёт. Тим усмехается и тут же жалеет об этом, снова схватившись за живот.

— Идёмте, Лерта, — беру женщину под руку. — Вдруг Шон уже вернулся, а нас нет?

Тим провожает нас до двери, хотя я вижу, что ему очень больно. Я с сочувствием смотрю на него и ловлю лёгкий приступ паники. А ведь если у меня тут заболит живот, я не смогу пойти в аптеку и просто купить что-то вроде нош-пы. Может, тут и есть какие-то растительные аналоги, но мне, после затяжной болезни, принять факт отсутствия антибиотиков непросто.

Моя болезнь в реальном мире дошла до необратимой стадии именно из-за того, что я не начала своевременного лечения, а всё ждала, когда «само пройдет», и загремела в больницу.

— Слушай, тебе бы к доктору, — не выдерживаю я у двери. — Живот не шутка. Мало ли что.

— Да не, я просто съел что-то не то, — отмахивается Тим.

— И всё же, — с сочувствием вздыхаю, — попробуй полежать в тёплой ванне. Ну или хоть грелку приложи. Это иногда помогает.

— Да?

— Боль снимает, — двигаю плечом. Врача никто не отменял.

— Ладно, спасибо...

Мы отходим от дома Тима, когда Лерта усмехается:

— А он, кстати, не женат. И девушки вроде нет.

— Кто?

— Тимка.

Я закатываю глаза и хохочу. Лерта неисправима. Не хочет своего сына отдавать, так решила всё равно меня за кого-нибудь замуж отдать.

Наконец мы подходим к её дому и застываем: на крыльце, привалившись к перилам, сидит Шон. Живой!

— Мама! — он поднимает голову, улыбается широко и немного бестолково. — А я тебя ждал...

Лерта бросается к сыну:

— Где ты был?! Я с ума сходила!

Шон пытается встать, но его качает. От него пахнет спиртным и чем-то пряным. Под левым глазом наливаются свежий синяк, рубашка помята, но лицо... сияет каким-то странным восторгом. Сколько он выпил? Наверняка ещё первый раз.

— Элизабет! — он замечает меня и машет рукой так энергично, что чуть не теряет равновесие. — Спасибо тебе! Ты... ты даже не представляешь!

Я растерянно переглядываюсь с Лертой. За что он благодарит?

— Твои слова... они всё изменили, — Шон пытается сфокусировать на мне взгляд. — Про то, что нужно... это... жить полной жизнью! Пробовать новое!

— Мои слова? — переспрашиваю озадаченно.

Не помню, чтобы говорила подобное.

— Ну да! Когда ты рассказывала... что иногда надо рисковать, чтобы что-то получилось, — он счастливо улыбается. — Я подумал — а ведь правда! И вот...

— И вот что? — строго спрашивает Лерта. — Где ты был всю ночь?

— О, мама... — Шон мечтательно прикрывает глаза. — Это было... невероятно! Там такие танцы! И музыка! И люди такие... необычные...

Значит, всё-таки «Красная луна».

— Всё, хватит, — решительно говорит Лерта. — Марш в дом! Будешь объясняться, когда протрезвешь.

Она подхватывает сына под руку и тащит к двери. Оборачивается ко мне:

— Спасибо, милая. За то, что была со мной эти страшные часы.

— Да я ничего особенного... — начинаю я, но она перебивает.

— Иди домой, уже темнеет. И будь осторожна!

Киваю и разворачиваюсь к дому. На душе легко — Шон нашёлся, живой и даже относительно невредимый.

Надеюсь, Лерта не пересмотрит своё отношение ко мне после случившегося. А то я, сама не понимая как, толкнула его во взрослую жизнь.

Перехожу улицу и забегаю по ступенькам к своему дому. Внутри темно и тихо. Захожу, прикрываю за собой дверь и кричу:

— Перец, я дом...

И в этот момент чья-то рука хватается меня за горло, впечатывая в дверное полотно. Другая зажимает рот, не давая закричать.

Ужас обрушивается на меня ведром ледяной воды. Я не могу ни вдохнуть, ни позвать на помощь. Только слышу, как где-то в глубине дома утробно рычит Перец, и чувствую, как от страха немеют кончики пальцев...

Глава 23. Эридан Морнел

Хрустальный бокал разбивается о стену, осколки со звоном рассыпаются по полу. Я опускаю руки и закрываю глаза, прислушиваясь к себе. Мне всё ещё мало. Хочется крушить, ломать, рвать... Выпустить бешеную ярость, что клокочет внутри. А ведь я лариан другого греха.

Рейнир. Этот напыщенный, самодовольный мальчишка в сравнении со мной... Как он посмел стать настолько слабым? Как допустил подобное унижение?

Перед глазами возникает король, вынужденный тащить его на плече. Пустую оболочку, жалкое подобие того бешеного зверя, которым Рейнир был, когда дело доходило до решения проблем, и которого я не хотел оставлять с Лианором наедине.

Дракон без дракона. Мерзость.

— Проклятье! — рычу сквозь зубы, роняя голову.

Дракон отзывается на мою ярость, рвётся наружу, но я сдерживаю трансформацию. Нельзя терять лицо и поддаваться эмоциям. Только не сейчас, когда мы все так уязвимы. Когда у меня нет способа избавиться от отката.

От этой мысли к горлу подступает тошнота. Веками мы были неприкосновенны. Сильнейшие. Правители. А теперь... какие-то ничтожные слизняки нашли способ лишить нас самой сути? Превратить в пустышку, как Рейнира?

Останавливаюсь у окна, упираюсь ладонями в подоконник. Костяшки белеют от напряжения. Внизу раскинулся Лиангард — наш город, который мы защищали столько лет. Что будет с ним, если мы станем просто людьми?

Дверь тихо скрипит. Лёгкие шаги, знакомый аромат — Никоэлла. Её руки скользят по моей спине, обнимают.

— Эридан... — шепчет она. — Позволь мне...

— Нет, — выпрямляюсь, отталкивая её.

В глазах Ники мелькает обида и страх.

— Но почему? — она делает шаг ко мне. — Я же чувствую, как ты напряжён. Я могу помочь...

— Не сейчас. Уходи.

— Всё ещё переживаешь из-за артефакта? Ты же знаешь, я могу помочь тебе снять последствия отката. Просто... расслабься. Хоть ненадолго.

Девушка медленно опускается на колени. Тёмное платье рассыпается по ковру красивыми волнами. Её тонкие пальчики тянутся к пряжке моего ремня, Ника поднимает взгляд и соблазнительно облизывает полные губы. Возможно, в другое время я бы позволил ей, но сейчас это совершенно неуместно.

— Убирайся.

Ника отшатывается и прижимает руки к груди. В глазах стоят слёзы. Дешёвый спектакль.

— Ты изменился, — шепчет она. — С тех пор, как пропала чашка... Ты стал другим. Я думала, теперь, когда мы можем больше не прятаться...

Резко отвернувшись, Ника выбегает из комнаты, специально не закрыв дверь. Мне всё равно. Незачем даже извиняться, ведь на место Ники полно желающих. Это делает отношения скучными. Я могу бить их палками, и всё сойдёт мне с рук.

Возвращаюсь к окну. Небо затягивают тучи, как будто отражая моё настроение. Сейчас, когда Рейнир остался без дракона, работы прибавится. И мне необходимо найти артефакт. Придётся ещё раз навеститься к бывшей жене.

Если я кого и заставлю сегодня опуститься на колени, так это её. Артефакт пропал из-за неё, будет справедливо, если она и возместит мне порочный откат.

До пригорода добираюсь экипажем. Путь не близкий, так что, когда я оказываюсь перед домом, на Лиангард опускаются сумерки. Старый дом встречает меня тишиной. Охранная магия обдувает лицо теплом, пропуская внутрь — я сам создавал барьер, мне не нужно разрешение, чтобы войти. Толкаю дверь, оказываюсь в полумраке.

Элизабет нет дома. Но что-то изменилось с момента моего последнего визита. Воздух... он звенит от магии. Провожу рукой по стене — дерево отзывается теплом, словно живое. Дом пробудился? Это значит...

— Маленькая дрянь, — цежу сквозь зубы. — Всё-таки это ты украла артефакт. Вернее, то, что от него осталось.

Медленно обхожу комнаты, подмечая детали. Тут и там следы магии — едва заметные, но для моего опытного взгляда очевидные. Как я мог не почувствовать этого в первый визит? Или она специально ничего не делала, думая, что я не появлюсь в этой дыре второй раз? Честно говоря, так и собирался сделать.

Всё складывается. Её нервозность при последней встрече, поспешный побег... Она боялась, что я узнаю. Что накажу за разбитый артефакт. Глупая девчонка — она даже не представляет, что натворила. И что ей за это будет.

В доме и подвале ничего интересного. Артефакт пробудил эту рухлядь, но его сила нужна для другого. Если надеялась, что сможет полностью отреставрировать дом, то она ещё глупее, чем я думаю.

Прислоняюсь к стене на первом этаже и жду. Она должна скоро вернуться, и тогда...

Скрип двери. Лёгкие шаги. Едва слышный вздох — она заметила, что в доме кто-то есть? Но слишком поздно.

Одним движением оказываюсь перед ней, хватаю за горло, прижимаю к двери. Элизабет отчаянно вырывается, царапает мои запястья.

— Считаешь, тебе это с рук сойдёт, дрянь? — рычу ей в ухо. — Думала, я не узнаю?

— Пусти! — она извивается, пытается ударить коленом.

Я блокирую удар своей ногой, но она неожиданно сильно толкает меня в грудь.

Мы теряем равновесие. Падаем — я вперёд, она назад, путаясь в ногах. В последний момент успеваю подставить руку, чтобы не рухнуть на неё всем весом.

Элизабет яростно брыкается, пытается вылезти из-под меня. Перехватываю её руки, заводя над головой. Ставлю колено между её бёдер, отодвигаю в сторону, чтобы поставить рядом второе и развести её ноги шире. Так у неё меньше шансов вырваться. Она всё ещё борется — выгибается, пытается освободиться, но теперь полностью в моей власти.

Рыжие, как медь, волосы разметались по полу, грудь часто вздымается, на щеках пылают румянец. В глазах плещется коктейль из эмоций — страх, ярость и что-то ещё, тёмное, глубинное...

— Где осколки? — наклоняюсь к её лицу так близко, что чувствую прерывистое дыхание. — Говори!

— Отвали от меня, чокнутый придурок! — шипит она, предпринимая ещё одну попытку сбросить меня, но куда там. — Я понятия не имею, о чём ты!

— Лжёшь!

Удерживаю её запястья одной рукой, хватаю за подбородок и заставляю смотреть себе в глаза. Наши губы замирают на расстоянии вдоха друг от друга.

— Ты очень не вовремя решила разозлить меня, Элизабет, — рычу. — Я знаю, что ты разбила артефакт и забрала осколки. Тебе лучше вернуть их, потому что в противном случае тебе может не понравиться то наказание, которое я выберу.

— Пошёл ты в жо...

В этот момент происходит невероятное. Жгучая боль пронзает руку, словно раскалённым прутот. Элизабет вскрикивает, и я понимаю — она чувствует то же самое. Чуть выше запястья на наших руках, всё ещё сцепленных в борьбе, проступают золотые узоры.

Мы замираем. Время словно останавливается. Я смотрю в её расширенные от удивления, шока и боли глаза и не могу поверить в происходящее.

Метки истинности... Только этого мне сейчас не хватало!

С ней?!

Глав

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.